This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

C 3325.58

Digitized by Google

D/102 cover 75 x. Л 75¢

НАРОДНОСТЬ

ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ

ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВѢДИ

КІЕВЪ.
Тип. И. и А. Давиденко (аренд. С. Кульженко и В. Давиденко)
1872.

Digitized by Google

Позвольте, многоуважаемый Николай Дмитріевичъ, въ книжное Ваше море опустить и мою каплю.

В. Маврицкій

Воронежъ, 23е Іюня,
1872 г.

Digitized by Google

4
3/4

НАРОДНОСТЬ

ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ

ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВѢДИ

КІЕВЪ.
Тип. И. и А. Давиденко (аренд. С. Кульженко и В. Давиденко)
1872.

Digitized by Google

C 3325.58

HARVARD COLLEGE
JAN 12 1937
LIBRARY

bram fund

(*Изъ Журнала »Руководство для сельскихъ пастырей« 1871 и 1872 гг.*

Digitized by Google

НАРОДНОСТЬ ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВѢДИ (ДО ПОЛОВИНЫ XV ВѢКА).

Возможна ли народность въ церковной проповѣди. Практическое, жизненное направленіе древне-русской проповѣди и ея примѣняемость къ народному пониманію Проникновеніе древне-русской проповѣди въ убѣжденія, вѣрованія и жизнь народа. Отсюда важность ея изученія. Скудость памятниковъ для изученія древне-русской проповѣди. Порядокъ нашего изложенія.

Древнее русское просвѣщеніе не было самороднымъ, а подражательнымъ, заимствованнымъ изъ Византіи, откуда мы приняли и самую основу нашего просвѣщенія-христіанскую вѣру. Но подражаніе и заимствованіе не могло быть совершенно пассивнымъ. Христіанскія понятія, дѣлаясь достояніемъ народнаго сознанія, проникая собою русское, народное міровоззрѣніе, въ свою очередь должны были подвергнуться вліянію народной мысли, принять въ себя примѣсь народныхъ воззрѣній, сложившихся подъ вліяніемъ старинныхъ языческихъ преданій. Такое преломленіе христіанскихъ понятій въ народномъ сознаніи, составляя неизбѣжную и естественную фазу въ народномъ развитіи, дало начало, такъ называемому, »двоевѣрству«, смѣшенію языческихъ и христіанскихъ представленій. Противополагая языческое, привносимое въ христіанскія понятія народомъ, христіанскому, привнесенному въ народное сознаніе цивилизующимъ вліяніемъ Византіи, наши историки (Буслаевъ, Пыпинъ...) составили не совсѣмъ точное понятіе о народномъ, какъ о чемъ то противоположномъ христіанскому. Съ этой точки зрѣнія самый вопросъ о народномъ элементѣ въ церковной проповѣди былъ бы немыслимъ, какъ за-

Digitized by Google

ключающій противорѣчіе въ самомъ себѣ. Но слабость народнаго пониманія, неподготовленность къ усвоенію христіанскихъ понятій-не исчерпываютъ собою понятія о народности, не составляютъ еще самой народности. Высшее сознаніе тогоже самаго народа примиряло свои воззрѣнія съ христіанскими понятіями, ассимилировало эти понятія, не извращая ихъ примѣсью языческихъ воззрѣній. Представителями этого высшаго народнаго сознанія были наши проповѣдники, выходившіе изъ среды самаго народа (такъ какъ духовное образованіе было тогда обще-народнымъ и духовенство не выдѣлялось изъ народа, какъ особая, замкнутая каста), знакомые съ его преданіями, родственные ему по своимъ симпатіямъ. Наши древне-русскіе проповѣдники представляли собою ту, такъ сказать, нейтральную почву, на которой христіанскія понятія сходились съ народнымъ міровоззрѣніемъ, не искажаясь взаимно. Съ одной стороны христіанскія понятія въ проповѣди не искажались, не затемнялись народными представленіями, какъ это обыкновенно случалось въ духовныхъ стихахъ и т. п произведеніяхъ народнаго творчества. Но въ тоже время народная проповѣдь не относилась къ народнымъ, иногда наивнымъ, представленіямъ съ пренебреженіемъ или боязливостію, какъ къ чему то грѣховному, а напротивъ пользовалась этими наивными представленіями, если они могли служить лучшимъ средствомъ къ выясненію проповѣдуемыхъ ею истинъ, и даже сама раздѣляла ихъ, если, впрочемъ, они не противорѣчили христіанскимъ понятіямъ. Отсюда въ нашей древней проповѣди живой (не книжный), народный языкъ, мудрость народныхъ пословицъ, поэтическая образность выраженій, въ которой сказываются бытовыя, или даже миѳологическія основы-словомъ всѣ тѣ черты, какія составляютъ особенность вообще всѣхъ произведеній народнаго творчества.

Digitized by Google

Проповѣдь въ Греціи была ораторскимъ искуствомъ и отличалась отвлеченностію содержанія. У насъ она не могла быть такой. Задача церковной проповѣди въ древней Руси была ясно поставлена: неустройство жизни частной и общественной, слабость вѣры, незнакомство съ обрядовой даже стороной религіи все это давало нашей проповѣди обильныя темы, для практическихъ назиданій. Съ другой стороны и развитіе русской мысли было еще въ такомъ младенческомъ состояніи, когда отвлеченныя понятія не могли представлять никакого интереса, когда на все смотрѣли прямо съ практической точки зрѣнія. Практичность русской проповѣди даже составляла ея крайность, потому что ради практическихъ интересовъ самыя истины религіи и нравственности представлялись иногда въ ложномъ свѣтѣ, въ нѣкоторомъ искаженіи. Припомнимъ нашъ домострой, представляющій заключительное слово всей нашей древней проповѣди, съ его иногда слишкомъ практическою моралью.

Мы разсматриваемъ древне-русскую проповѣдь въ періодъ до половинны XV вѣка, въ періодъ преимущественнаго вліянія Византіи. Съ этого времени замѣтно ослабленіе византійскаго вліянія. Такія событія, какъ Флорентійская Унія и паденіе Константинополя, объяснявшееся у насъ въ смыслѣ наказанія за отступничество отъ правой вѣры,-не могли остаться незамѣченными даже и у насъ, въ Россіи, и произвели на русскихъ невыгодное для Греціи впечатлѣніе, заставили подозрительно смотрѣть на чистоту греческаго православія. Между тѣмъ чрезъ юго-западный край Россіи начинаетъ пробиваться западная пропаганда-религіозная, завершившаяся уніей, и научная, давшая намъ схоластику. Гордая схоластическая наука, замкнувшаяся въ себѣ, не хотѣла спуститься до будничныхъ житейскихъ вопросовъ, снизойти до наивнаго народнаго представленія, чтобы сдѣлаться всѣмъ доступной, а потому ея

Digitized by Google

вліяніе ни чѣмъ не отразилось на жизни народной и народныхъ понятіяхъ. Очевидно, что схоластическое направленіе, господствовавшее, приблизительно, въ теченіи двухъ вѣковъ (съ полов. 16 до полов. 18) не могли создать практически народной проповѣди. Эпоха Петровской реформы и всѣ ея цивилизующія начала почти не коснулись народной жизни, а охватывали собою только небольшой кругъ привиллегированныхъ сословій. Что же касается народа, то онъ доселѣ живетъ тою же самой византійской цивилизаціей, какая прививалась къ нему, между прочимъ, путемъ церковной проповѣди. Такимъ образомъ знакомство съ древне-русской проповѣдью получаетъ особенную важность, какъ средство къ уясненію тѣхъ идеаловъ, какими и доселѣ живетъ нашъ народъ, и слѣдовательно-къ лучшему и болѣе полному изученію и пониманію народной жизни. Конечно, въ этомъ отношеніи главный интересъ древней русской проповѣди сосредоточивается не на ея внутреннихъ основныхъ началахъ, которыя во всякой христіанской проповѣди, во всѣ времена, должны быть одинаково неизмѣнными, а на примѣненіи этихъ началъ къ жизни, на выясненіи ихъ приспособительно къ умственному складу древне-русскаго человѣка. Въ древней русской проповѣди имѣетъ для насъ существенный интересъ только та сторона ея, которою она соприкасалась съ жизнію, съ народнымъ бытомъ, съ народнымъ міровоззрѣніемъ,-для насъ важно прослѣдить и указать народный и практическій элементъ въ древне-русской проповѣди. За далью вѣковъ намъ трудно съ достаточною отчетливостію представить и съ достаточною полнотою обрисовать практическое направленіе, народный характеръ древне-русской проповѣди. Тѣмъ болѣе трудно теперь воспроизвести характеръ древне-русской проповѣди, что до насъ сохранилось слишкомъ мало памятниковъ ея. По остроумному замѣчанію одного ученаго изслѣдователя

Digitized by Google

(г. Срезневскаго), всѣ стихіи истребляли памятники нашей письменности - они сгорали во время пожаровъ, о чемъ такъ часто замѣчается и въ лѣтописяхъ, тонули въ водѣ, гнили въ подвалахъ. Чего не успѣвали сдѣлать стихіи - довершала варварская рука человѣка. Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобы письменныхъ памятниковъ собственно проповѣдничества было много. Проповѣдь - живое слово. Какъ живое слово оно говорилось на *случай*, по требованію обстоятельствъ, говорилось безъ подготовки, экспромтомъ. Но записывать эту живую рѣчь, еслибы и была возможность къ тому, не было надобности, такъ какъ грамотныхъ людей въ древнюю пору было слишкомъ мало. Не запечатлѣваясь въ письменахъ, древне-русская проповѣдь запечатлѣвалась въ сердцахъ слушателей, хранилась въ памятникѣ нерукотворномъ - въ убѣжденіяхъ и жизни народа. Присматриваясь къ религіозной жизни современнаго намъ простонародья, мы встрѣчаемся болѣе всего съ такими религіозными понятіями, которыя составлены несомнѣнно подъ вліяніемъ древне-русской проповѣди. Какія книги пользуются благоговѣйнымъ почитаніемъ у нашего простонародья? - Это различнаго рода религіозныя сказанія, »зѣло душеполезныя«, повѣсти, составленныя въ »старину«. Привязанность къ старымъ книгамъ, къ ученію древнему, послужила одной изъ основныхъ причинъ нашего раскола. Говоря не о всемъ древне-русскомъ просвѣщеніи, а только объ одномъ изъ средствъ этого просвѣщенія - церковной проповѣди, мы желали бы отмѣтить тѣ особенности въ древне-русскомъ проповѣдничествѣ, по которымъ оно было такъ излюблено народомъ. Быть можетъ эта проповѣдь была болѣе искренна и настойчива, чѣмъ теперь, такъ какъ тогда сильнѣе чувствовалась нужда въ ней - тѣмъ болѣе, что въ древней Руси, кромѣ учителей Церкви, некому было позаботиться о народномъ просвѣщеніи. Но не вдаваясь въ произвольныя, болѣе

Digitized by Google

мали менѣе, гаданія о томъ, почему древняя проповѣдь привилась къ народному сознанію, оказала вліяніе на убѣжденіе и жизнь народа, мы обращаемся къ изложенію самой проповѣди древне-русской. Знакомство съ ея духомъ и содержаніемъ, на сколько возможно это знакомство по сохранившимся до нашего времени отрывкамъ проповѣдническаго слова, представитъ не мало поучительнаго и для проповѣдниковъ нашего времени, послужитъ къ выясненію существеннаго для каждаго пастыря Церкви вопроса-при какихъ условіяхъ слово проповѣдника можетъ быть живо и дѣйственно, сдѣлаться закономъ жизни, указывая людямъ путь и средства къ выполненію христіанскихъ обязанностей.

Для полноты и вмѣстѣ удобства изложенія мы дѣлимъ свою статью на три отдѣла:

А) Сначала укажемъ черты народности и практическаго направленія у проповѣдниковъ, подражавшихъ византійскимъ образцамъ.

Б) Далѣе представимъ очеркъ проповѣднической дѣятельности болѣе самостоятельныхъ, русскихъ проповѣдниковъ.

В) Въ послѣднемъ отдѣлѣ сдѣлаемъ общій очеркъ безъименной, не авторозованной проповѣди, въ которой народный элементъ имѣетъ преобладающее значеніе.

А.

ПРОПОВѢДЬ ВИЗАНТІЙСКАГО НАПРАВЛЕНІЯ.

I.

I. Черты народности и практическаго характера проповѣдей, составленныхъ по византійскимъ образцамъ. Слово Иларіона. Поученіе Кирилла туровскаго. Его обличеніе язычества и убѣжденіе къ почитанію книжному.

Требованіе народности и практичности такъ настойчиво предъявлялось церковной проповѣди условіями древне-русской жизни, что слѣды этой практичности и приспособительности

Digitized by Google

къ народному міровоззрѣнію мы встрѣчаемъ даже у тѣхъ русскихъ проповѣдниковъ, которые старались рабски подражать византійскимъ образцамъ.

Между произведеніями византійскаго направленія могутъ быть названы, какъ болѣе замѣчательныя и болѣе извѣстныя, слово Иларіона о законѣ и благодати, поучительныя слова Кирилла Туровскаго, Фотія и Самалака, а также поученія къ иноками св. Ѳеодосія, и другихъ поученія въ большинствѣ случаевъ переводныя, во всякомъ случаѣ мало измѣненныя, такъ какъ и самые идеалы иноческой жизни для всѣхъ мѣстъ и временъ остаются равно неизмѣнными. Мы остановимся нѣсколько на разборѣ названныхъ нами поученій, чтобы указать и здѣсь встрѣчающіяся черты народности практическаго направленія. Слово Иларіона въ одушевленной, краснорѣчивой бесѣдѣ касается того, что совершалось тогда и занимало мысль русскихъ людей — касается перемѣны, произведенной въ русской жизни принятіемъ христіанства. Поэзія и образность дѣлала рѣчь его доступной, если не въ цѣломъ, то въ частяхъ, для всей массы слушателей. Припомнимъ, напр., картинное описаніе христіанскаго храма и благолѣпія церковнаго служенія, или одушевленное воззваніе къ останкамъ св. Владиміра: «Встань отъ гроба твоего, честное главо, встань, отряси сонъ! Ты не умеръ, но спишь до общаго возстанія. Встань! Отряси сонъ, возведи очи и посмотри на сына своего Георгія (т. е. Ярослава), посмотри на кровнаго своего, посмотри на своего возлюбленнаго» и т. д. Безъ сомнѣнія эти отдѣльныя части слова были вполнѣ доступны слушателямъ, какъ по силѣ и естественности чувства, такъ и потому, что касались живой, современной дѣйствительности.

Слова Кирилла Туровскаго считаются по преимуществу византійскими. И дѣйствительно. Соприкосновеній съ русскимъ бытомъ, съ русскою жизнью у проповѣдника почти

Digitized by Google

вовсе не встрѣчается. Русская мысль, народная фантазія не проникли въ поэтическія слова Кирилла Туровскаго, который съ усердіемъ неофита слѣдовалъ руководству греческихъ учителей и, рабски слѣдуя греческимъ образцамъ (Божественнымъ писаніямъ, по выраженію Кирилла), самъ почти въ каждомъ изъ своихъ словъ сознается въ томъ, что онъ говоритъ не отъ своего грубаго ума.

Не удивительно, что проповѣдь, хотя и проникнутая религіознымъ одушевленіемъ, богатая поэтическими образами, но чуждая интересовъ жизни, не привлекла къ себѣ народъ. Въ самыхъ поученіяхъ Кирилла Туровскаго высказываются иногда сѣтованія на невниманіе къ нему паствы, и просьбы, чтобы къ нему ходили чаще для назиданія «душеполезными словесами». Намековъ на современное религіозное состояніе у Кирилла слишкомъ мало. Подражаніе греческимъ образцамъ увлекало его такъ далеко, что за этой подражательностію быть церкви русской обрисовывался въ самомъ смутномъ очеркѣ. При всемъ томъ, и въ отвлеченной проповѣди Кирилла Туровскаго можно подмѣтить нѣкоторыя черты народности. Мы приведемъ мѣста изъ поученій Кирилла, гдѣ, по нашему мнѣнію, замѣтна приспособительность къ быту, нравамъ и потребностямъ современнаго ему русскаго общества. Желая показать перемѣну въ русской жизни, произведенную принятіемъ христіанской вѣры, Кириллъ, съ свойственной ему витіеватостію, скрывающею прямой смыслъ подъ образными выраженіями, говоритъ такимъ образомъ: «Обновися тварь, уже бо не нарекутся Богомъ стихіи, ни солнце, ни огнь; ни источницы, ни древеса: отселѣ бо не пріемлетъ требы адъ закалаемыхъ отцы младенецъ, ни смерть почести, преста бо идолослуженіе и погубися бѣсовское насиліе крестнымъ таинствомъ, и не токмо спасеся человѣчь родъ, но и освятися Христовой вѣрою». При всемъ томъ язычество еще живо было въ памяти народа, и не въ памяти только, но

Digitized by Google

и въ самой жизни, а потому мы готовы усматривать въ проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго нѣкоторые отвѣты на вопросы современности и считать народными тѣ мѣста въ нихъ, гдѣ онъ такъ или иначе разсуждаетъ о язычествѣ, обличаетъ остатки онаго. Разслабленный, исцѣленный словомъ Іисуса Христа у Кирилла представляется язычникомъ, котораго Господь обрѣлъ »въ пути не блазы кумирослуженія«. Въ свою очередь и разслабленный на вопросъ книжниковъ: »Кто есть онъ, иже сотвори тя цѣла?« отвѣчаетъ такимъ образомъ: »Нѣсть волхвъ, ни чародѣй, не есть ходатай, ни ангелъ, но Самъ Господь«. Вообще всѣ враги Церкви трактуются у Кирилла не иначе, какъ кумирослужителями, а потому и отцы перваго вселенскаго собора, по его выраженію, »Церковь Христову возвратиша отъ кумирослуженія«. Едва ли мы впадемъ въ преувеличеніе, если подобные промахи проповѣдника будемъ объяснять вліяніями на его мысль той среды, въ которой онъ жилъ. Подъ новыми впечатлѣніями смѣны языческой жизни на христіанскую естественно было представлять всякую противоположность христіанству въ образѣ языческаго кумирослуженія. Между недостатками жизни, вообще не типичными и отвлеченными, Кириллъ, хотя и мимоходомъ, упоминаетъ недостатки, составляющіе характеристическую принадлежность его времени и народа. Такъ, назвавши гордость, неповиновеніе, презорство, хулу и пр., онъ упоминаетъ »игры непріязненны.... смѣхотвореніе и вся игры бѣсовскія, волхвованія, чародѣянія«. »Да се есть подобно время, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, еже не искати ни чаровъ, ни волхвовъ, но вѣрою глаголати«. Разсказъ о мытарствахъ даетъ поводъ высказать сужденіе о недостаткахъ русской жизни. Здѣсь (седьмое) мытарство представляется за »безстудная словеса и плясаніе еже въ пиру, и на свадьбахъ и въ навечерницахъ, и на игрищахъ, и на улицахъ«; 13-е за »чародѣйство, волхвованіе, наузы«;

Digitized by Google

15-е мытарство предстоитъ тѣмъ, которые »вѣруютъ въ стрѣчи, въ чехъ (т. пиханіе), въ подазь и въ наичій край, порожен и еже въ басни баютъ и въ гусли гудутъ«. Практическое пониманіе нуждъ времени сказалось, по нашему мнѣнію, въ наставленіи Кирилла о книжномъ чтеніи. »Добро убо братіе и зѣло полезно, еже разумѣти паче божественныхъ писаній ученіе.... Да того ради молю вы, потщитеся прилежно почитати святыя книги, да ся Божіихъ насытивше словесъ и будущаго вѣка неизрѣченныхъ благъ желаніе стяжете; она бо аще невидима суть, но вѣчна и конца не имуща, тверда же и не движима.... Да не просто протецемъ желаемыхъ глаголюще, но съ разсмотрѣніемъ внемлюще, потщимся дѣломъ сотворити я; сладко бо медвень есть и добро есть сахаръ, обоего же добрѣе книжный разумъ: сія бо суть сокровище вѣчныя жизни. Аще бы обрѣлъ кто злѣ земное сокровище, пророческихъ же и апостольскихъ писаній и Самаго Спаса Христа спасенныхъ словесъ истины, и съ разсужденіемъ разумъ; уже не себѣ единому быть на спасеніе, но и инымъ многимъ, послушающимъ его[1])«. Въ подробности и даже нѣкоторой мелочности замѣчаній о томъ, какъ нужно читать, для чего читать-нельзя не видѣть практической примѣнимости учителя къ потребностямъ поучаемыхъ. Послѣднее замѣчаніе о томъ, что знаніе пророческихъ и апостольскихъ писаній: »не себѣ единому будетъ на пользу, но и инѣмъ послушающимъ« переноситъ насъ въ ту далекую, современную Кириллу Туровскому, эпоху, когда учительство было священнымъ долгомъ всякаго способнаго къ этому великому дѣлу, когда, при скудости средствъ христіанскаго просвѣщенія и при крайне настоятельной нуждѣ въ немъ, считалось своего рода преступленіемъ оставаться равнодушнымъ къ невѣдѣнію темной массы и не дѣлиться съ нею,

[1]) Памятн. XII в. 132—134 стр.

Digitized by Google

скрывать отъ нея, какъ самыя знанія, такъ и проводника этого знанія — книгу [1]). Согласно общему представленію современниковъ, считая книги »средствами спасенія«, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, обличая замѣченное имъ въ народѣ предразсудочное отношеніе къ книгамъ, какъ къ чему-то превышающему скудный смыслъ народа и доступному только священникамъ и монахамъ, Кириллъ Туровскій объясняетъ, что книги и вѣдѣ нужны, и всѣмъ могутъ быть понятны.

---

[1]) Мысль о священномъ долгѣ учительства высказывается очень часто въ поученіяхъ, особенно предназначенныхъ »попомъ«, на которыхъ лежала прямая обязанность учительства. Эта же обязанность внушалась постоянно родителямъ, какъ естественнымъ руководителямъ дѣтей своихъ въ нравственной жизни. Отсюда въ древней литературѣ цѣлая отрасль отеческихъ, если такъ можно выразиться, поученій (Мономаха, Ѳеодоры и множество безъименныхъ). »О горе тому человѣку, читаемъ мы въ памятн. старинной литерат. изд. Пыпинымъ (т. II, 155 стр.), въ день судный, который человѣкъ не учитъ дѣтей своихъ страху Божію и закону Господню«. Но не имя этого же сознанія обязанности просвѣщать и пренебрегая уклониться отъ этой обязанности многіе смиренные иноки брались за дѣло учительныхъ и книгописанія. Касательно распространенія книгъ характерно наставленіе Іоанна пресвитера, встрѣя въ его обличит. бесѣдѣ на Богомиловъ. »Всякую заповѣдь спасенія кто предъ очима человѣкомъ, крыя словеса божественная отъ братіи своея? Того бо ради писана быша, да и тіи спасутся ими, а не на изъяденіе плѣсни и червемъ на пищу. Аще ли въ которыхъ книгахъ дочелся еси, иже крыти отъ братіи словеса божественная, то по истинѣ такія книги достойны суть не плѣсни точію, на изъяденіе черви, но и огню на изженіе: понеже разгласно со святыми его учатъ и хотятъ сжещи вѣчнымъ огнемъ. Ни, человѣче, не скрый словесъ Божіихъ отъ хотящихъ почитати и списати я: но веселися о семъ, да ти ся братъ ими спасетъ. Не того ради писано быша, да имени я въ сердцѣ или въ хлѣвинѣ. (изъ Опис. Синод. библ. 11, 2, IV).

Digitized by Google

Въ своемъ наказаніи о чтеніи книжномъ Кириллъ Туровскій убѣждаетъ всѣхъ къ почитанію книжному: »не глаголите-такъ говоритъ онъ-жену имамъ и дѣти кормлю, и домъ строю, ли князю служу, ли власть держу, ли ремество; да не наше есть дѣло почитанье книжное, но черньчьское«. Во всѣхъ подобнаго рода совѣтахъ выразительно сказывается пониманіе нуждъ времени,-это и даетъ намъ право признать за проповѣдями Кирилла Туровскаго не одинъ только отвлеченный, чуждый жизни и живымъ интересамъ византинизмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую долю практичности и народности. Есть нѣкоторыя основанія думать, что Кириллъ Туровскій знакомъ даже былъ съ нѣкоторыми ходячими въ народѣ запретными, отреченными сказаніями и даже вносилъ ихъ въ свою проповѣдь на ряду съ »Божественными словесами«. Въ одномъ древнемъ анонимномъ словѣ »на погребеніе Христово и о плачи Святѣй Богородицы« встрѣчается такое, странное по своей оригинальности, повѣствованіе, будто бы Спаситель, несомый на погребеніе, сказалъ Іосифу: »чесо ради несеши Мя ко гробу молча, а не поеши ничтоже«, и повелѣлъ ему пѣть »Святый Боже«. Такое легендарное сказаніе о происхожденіи обычая пѣть »Святый Боже« во время погребенія было, конечно, распространено въ народѣ, и весьма вѣроятно, что Кириллъ Туровскій имѣлъ это сказаніе въ виду, когда влагалъ въ уста Іосифа при погребеніи Спасителя такую рѣчь: »тѣмъ же сице возглашая погребу тя, милостиве, якоже святымъ наученъ быхъ духомъ: Святый Боже....« Едва ли можно усомниться, что здѣсь повторяется тоже самое легендарное сказаніе, хотя, сравнительно, въ болѣе блѣдныхъ очертаніяхъ.

Проповѣдь митроп. Фотія. Практическій характеръ этой проповѣди. Отвлеченная проповѣдь Григорія Самвлака. Иноческія поученія и ихъ особенное значеніе въ древне-русской жизни.

Проповѣдь митр. Фотія, къ разбору которой мы переходимъ, естественно менѣе подверглась вліянію народному;

Digitized by Google

черты византійизма сохранились въ ней съ большею отчетливостію, потому что онъ былъ грекъ по рожденію и воспитанію. Рѣчь митрополита Фотія, чрезвычайно растянутая, съ длинными періодами, вычурными украшеніями, при неумѣньи проповѣдника выражаться правильно, казалась слушателямъ странною[1]). Читатели даже смѣялись надъ несладною рѣчью учительнаго митрополита-грека, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Фотій въ своемъ посланіи въ Святогорскій монастырь. Но не смотря на всѣ неблагопріятствующія условія своего проповѣдническаго дѣла, не смотря на то, что митр. Фотій долженъ былъ говорить чуждому для него народу, на языкѣ мало знакомомъ, при всемъ томъ онъ старался угадать потребности времени и придавать своей рѣчи практическое значеніе. Мы не разумѣемъ здѣсь посланій Фотія, которыя, по самому назначенію своему соотвѣтствуя современнымъ указамъ, должны были касаться разнаго рода церковныхъ, іерархическихъ неустройствъ, а иногда даже и нравственныхъ недостатковъ общества, мы не будемъ говорить о посланіяхъ, чтобы не выходить изъ тѣснаго круга проповѣди въ собственномъ смыслѣ, хотя

---

[1]) Вотъ образчикъ неумѣлой, хотя и витіеватой рѣчи Фотія. Желая обрисовать въ картинныхъ выраженіяхъ тяжелое для русскихъ людей, занимавшихся земледѣліемъ, бѣдствіе бездождія и засухи, Фотій объясняется слѣдующимъ образомъ: »Небо вримъ, чада моя, крѣпко сгустившеся, наго же и безоблачно, дряхло творяще воздуха сего и ведростію что покрываемою и желѣзо желлающе преже, еще на многѣ помрачившуся облаками, темны насъ и не свѣтлы содѣла« (Прав. Собесѣд. 1861 г. II. 190). Понятны при чтеніи подобныхъ отрывковъ извиненія Фотія предъ своими слушателями. »Незазрите же убо смиренію моему, яко не искусну ми сущу писанію вашему и языку« говоритъ Фотій въ своемъ посланіи въ »Честную обитель Успенія« (дополн. къ акт. ист. томъ 1 № 180. 223 стр.).

Digitized by Google

въ этихъ посланіяхъ не мало общаго съ проповѣдью и по цѣли, и по самому предмету. Но и самыя поученія митр. Фотія, въ тѣсномъ значеніи этого слова, не лишены тогоже практицизма, который составляетъ характеристическую черту его пастырской дѣятельности. Обращаясь очень часто къ священникамъ съ убѣжденіями, что бы они поучали народъ [1]) митр. Фотій чертилъ программу для ихъ пастырскаго, учительскаго слова, въ которой между прочимъ, хотя и не со всѣмъ рельефно, сказывается пониманіе нуждъ времени и недуговъ современной ему жизни.... «И сего ради, внушаетъ Фотій священникамъ, о сихъ всѣхъ смотрѣливнѣ смотрите [2]), како истино ходити вамъ... Смотрите псы, ретше чародѣи и волхвы; смотрите злыхъ дѣлателей; смотрите разбойники; смотрите лихоимцевъ [3])»... Не объемиста эта программа, но ей во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ своевременности, примѣнимости къ требованіямъ того времени, когда и язычество съ его чарами и волхвованіями было еще сильно, когда при не устройствѣ общественномъ много было злыхъ дѣлателей,-насилія грубаго (разбои) и гнета болѣе искуственнаго, хотя не менѣе сильнаго (лихоимства, рѣзы-такъ часто обличаемые въ нашей древней проповѣди). По своимъ темамъ проповѣдь Фотія близко касалась жизни, въ ней затронуты болѣе или менѣе почти всѣ жизненные вопросы, которыхъ касалась древне-русская проповѣдь. Такъ, онъ обличаетъ остатки язычества,

---

[1]) «О семъ убо (о пастырской обязанности проповѣдывать) о настоятеліе духовніи, вкратцѣ часто слово извожу вашей любви» (Прав. Соб. 1860 г. 11, 468; III т. 500 с. тоже 11 т. 467 с. и, во многихъ другихъ мѣстахъ, особенно въ указанномъ уже поученіи Іереямъ, можно встрѣтить у Фотія подобныя наставленія).

[2]) Эти и подобныя тому (напр. быстротная быстрость) неудачно составленныя выраженія часто встрѣчаются у Фотія.

[3]) Прав. Соб. 1860 г. III. 362.

Digitized by Google

поучаетъ правильному устройству семейной жизни. Обличая лихоимства и т. п. насилія богатому, призываетъ къ милосердію, убѣждаетъ судей праведенъ судъ имѣти, не превращая суда убогаго ни стыдения имѣя предъ лицемъ сильнаго. Замѣчательно, что мысль о снисхожденіи и любви къ немощнымъ міра, какъ это часто можно встрѣтить въ многихъ древне-русскихъ поученіяхъ, на сознаніи равенства всѣхъ предъ Искупителемъ нашимъ, пострадавшимъ за насъ Господомъ. »Ибо, такъ поучаетъ Фотій — равно о сихъ и о васъ свою кровь Христосъ пролія, и обоихъ ради (т. е. бѣдныхъ и богатыхъ, господъ и рабовъ) свою кровь не пощаде«. Самъ Фотій относился къ живымъ участіемъ къ дѣлу проповѣди, на что указываетъ его частыя упоминанія о томъ, что онъ »плакалъ« обличая и поучая заблуждающуюся грѣшную паству, такъ что свои поученія онъ называетъ иногда просто плачевными, произнесенными, а какъ бы излившимися отъ скорбящаго, болѣвующаго о грѣховности и несчастіи поучаемыхъ, любвеобильнаго сердца, — »рыданными«. Поучая искренно, съ сердечнымъ убѣжденіемъ, Фотій желалъ, чтобы его поученія принимались за правило жизни, не пропадали безслѣдно, не практиковались какъ что-то измышленное для острастки поучаемыхъ, подобно тому, какъ матери и няньки запугиваютъ расплакавшихся дѣтей лживыми сказками »и на многи баснивыми повѣстьми сихъ творятъ молчати«. Указанныя нами черты въ проповѣди Фотія свидѣтельствуютъ о его стремленіи къ практицизму и отчасти народности, примѣняемости въ изложеніи къ народному возрѣнію. Но въ какой степени достигалась цѣль быть практичнымъ и народнымъ? Очень мало... эклектизмъ мертвитъ живое слово въ рѣчи Фотія. Проповѣдникъ какъ бы не смѣетъ прямо сказать свою мысль, а старается всегда обставить ее выдержками изъ писанія, или на ученіе отцевъ, какъ это и самыя поученія его

представляются не болѣе какъ сборникомъ едва связанныхъ между собою извлеченій изъ св. писанія и отеческихъ ученій, относящихся къ одному предмету. Этотъ эклектическій характеръ своей проповѣди Фотій ясно сознавалъ и даже ставилъ себѣ въ достоинство то, что онъ »со многимъ усердіемъ и теплою, производительною любовію« собиралъ отъ божественныхъ писаній и предлагалъ свое собраніе на духовное »утѣшеніе и пользованіе« слушающихъ. Кстати замѣтимъ, что Фотій, за недостаткомъ свидѣтельствъ изъ писанія, собственную мысль иногда выдаетъ за ученіе писанія или за ученіе какого нибудь св. отца. »Смотрите псы, рекше чародѣи и волхвы и злыхъ дѣлатель, и смотрите блудниковъ и лихоимцевъ и иныхъ таковыхъ«-наставляетъ Фотій священниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ: »якоже писаніе учитъ«. Авторитетомъ Златоуста Фотій обставляетъ очень обыкновенное и часто встрѣчающееся въ древнихъ поученіяхъ наставленіе о благопристойномъ стояніи въ церкви и обличеніе тѣхъ »кто мыслію внѣ летаетъ, не слышитъ молитвы, а разсчитываетъ мысленно лихвы и притяжанія«. Подъ густымъ наслоеніемъ, большею частію, излишнихъ свидѣтельствъ изъ »божественныхъ писаній« собственная мысль Фотія совершенно затемняется, а изображенія дѣйствительной жизни, изрѣдка у него встрѣчающіяся, являются въ какихъ то смутныхъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Самыя трогательныя картины печальной дѣйствительности не задерживаютъ на себѣ воображеніе проповѣдника, не приковываютъ всецѣло его вниманія. Заговаривая о предметахъ современныхъ онъ ищетъ аналогіи для нихъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Онъ желаетъ говорить, напр., о безводіи, какъ великомъ несчастіи и наказаніи за грѣхи, и для этой цѣли считаетъ нужнымъ привести прежде всего свидѣтельство изъ пророка Амоса: »И первѣе ввожу пророка Амоса«. Иногда впрочемъ Фотій обращался для нази-

Digitized by Google

данія слушателей къ легендарнымъ религіознымъ сказаніямъ, знакомство съ которыми свидѣтельствуетъ о нѣкоторой близости его къ народу. »Смути бо ми сердце и оскорби мя бывшее преже мене вами въ странахъ жительство вашего. И отъ честныя иконы Господней крови истекшей. И сего предобразованія не разумѣсте. И въ семъ страшнемъ наказаніи не исправистеся... И нынѣ отъ очію святаго Николы слезы идутъ.«

Въ ряду проповѣдниковъ византійскаго характера слѣдовало бы намъ назвать еще Григорія Самвлака, очень плодовитаго церковнаго витію, но его проповѣди, при религіозномъ одушевленіи, ораторскихъ пріемахъ далеки отъ жизни и потому не могутъ представлять для насъ никакого интереса. Хотя надъ проповѣдями Самвлака часто надписывается »Григорія Россійска«, но русскаго въ нихъ нѣтъ и слѣда, нѣтъ и намековъ на русскую жизнь. Раскрывая въ своихъ словахъ истины по преимуществу отвлеченнаго, догматическаго характера, Григорій Самвлакъ очень рѣдко касается вопросовъ нравственности. По замѣчанію преосв. Макарія спеціально нравоучительное направленіе имѣютъ, между извѣстными, только два слова Самвлака. Это слово »о пяти днехъ«, произнесенное предъ праздникомъ Рожд. Христова, въ день памяти св. мученика Филоконія, и »похвальное слово св. отцамъ, въ нестѣ просіявшимъ«, гдѣ проповѣдникъ знакомитъ слушателей съ жизнію св. отцевъ и ставитъ ее въ примѣръ, назиданіе. Сравнивая св. подвижниковъ съ древними героями и прославленными личностями и показывая преимущество подвижниковъ, Самвлакъ между прочимъ замѣчаетъ, что о Зороастрѣ не многіе знаютъ, тогда какъ объ Антоніѣ (египетскомъ) имѣютъ понятіе и скифы и дѣти. Но какъ эти назидательныя слова, въ особенности первое изъ нихъ, составлены по Златоусту, такъ и вообще вся проповѣдь Самвлака подражательнаго харак-

Digitized by Google

тера. Подражаніе простирается иногда до буквализма; такъ, наприм., »слово въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи« почти дословно повторяетъ знаменитое слово Златоуста, начинающееся словами: »паки Иродіада бѣснуется«, »слово св. четыредесятимученикамъ севастійскимъ« составлено подъ вліяніемъ такого же слова Василія Великаго. По своему отвлеченному характеру проповѣдь Самвлана вполнѣ прымыкаетъ къ тѣмъ напыщеннымъ и риторическимъ словамъ, какія встрѣчаются въ прологѣ (на дни великихъ праздниковъ и въ похвалу нѣкот. святыхъ) съ именами греческихъ патріарховъ Прокла, Кирилла и друг., но отличается отъ этихъ типично-византійскихъ словъ силою религіознаго одушевленія, красотой и естественностію рѣчи. Чтобы кончить обзоръ проповѣдей византійскаго направленія, собственно со стороны ихъ приспособленія къ потребностямъ русской жизни, намъ слѣдуетъ еще сказать о поученіяхъ объ иноческомъ житіи, которыя, назначаясь для среды отрекшейся отъ міровыхъ интересовъ, повидимому менѣе всего могли-бы подпасть вліянію народности и трактовать о вопросахъ практической жизни. Но нашъ монастырь имѣетъ не то значеніе, какое на востокѣ. Сюда скрывались не бѣглецы отъ міра, почувствовавшіе себя съ своими высоконравственными убѣжденіями чужими среди общества, руководившагося грубымъ матеріализмомъ и низкими страстями, а представители и поборники за новые идеалы, привнесенные въ русскую жизнь христіанствомъ. Русскіе монастыри въ древнюю пору были, выражаясь образно, тѣми евангельскими свѣтильниками, которые не подъ спудомъ скрыты, а поставлены на свѣщницѣ, чтобы свѣтить всѣмъ находящимся въ храминѣ: они должны были служить образцомъ религіозной жизни въ семьѣ и обществѣ; примѣромъ монастырской жизни должны были руководствоваться всѣ благочестивые люди. Въ древнерусской семьѣ, которая по представленію благочестивыхъ

Digitized by Google

людей того времени должна быть устроена по монастырскому образцу, считалось обязательнымъ соблюдать многіе чисто-монашескіе обряды (напр. правило келейное, состоящее въ общемъ чтеніи молитвъ и т. п.), при чемъ на отца семейства возлагались обязанности блюсти за исполненіемъ этихъ обрядовъ, подобно тому какъ игуменъ въ монастырѣ долженъ слѣдить за точнымъ соблюденіемъ монастырскихъ правилъ. Этой тѣсной связью монастыря и семьи объясняется проникновеніе въ нашъ народъ многихъ аскетическихъ воззрѣній, которыя и доселѣ прочно держатся въ немъ. Такимъ образомъ поученія о монашескомъ житіи получаютъ особенный интересъ, они косвенно назначались какъ бы для самаго народа. Судя потому, что многія чисто аскетическія понятія привились къ народной жизни, слѣдуетъ допустить, что и въ аскетическихъ поученіяхъ были такіе пункты, на которыхъ съ любовію останавливалась народная мысль. Намъ кажется, что доступность и распространенность въ народѣ поученій, предназначаемыхъ собственно для иноковъ, основывалась на ихъ чрезвычайной практичности и, такъ сказать, обрядности, опредѣляющей до мелкихъ подробностей всѣ дѣйствія человѣка-какъ ходить, во что одѣваться, какъ говорить, сколько поклоновъ класть и т. д. Народное вниманіе въ наставленіяхъ подобнаго рода привлекалось тою подробностію и опредѣленностію правилъ, при которыхъ устранялась необходимость задумываться надъ своимъ поведеніемъ и сомнѣваться въ достоинствѣ своихъ благочестивыхъ намѣреній, и дѣлать

В.

РУССКІЕ НАРОДНЫЕ ПРОПОВѢДНИКИ.

При какихъ условіяхъ проповѣдь можетъ быть народной? Древнѣйшія изъ поученія, какъ вступленіе вообще во всю древне-русскую проповѣдь. Поученія препод. Ѳеодосія Печерскаго.

Мы доселѣ разсматривали проповѣдь съ преобладающимъ византійскимъ характеромъ. Указанные нами слѣды нѣко-

Digitized by Google

тораго практицизма и примѣняемости къ требованіямъ русской жизни и мысли, изрѣдка встрѣчающіеся въ этой проповѣди, могутъ служить доказательствомъ того, что и проповѣдники-подражатели чувствовали неудобство придерживаться византійской традиціи и сознавали нужду, вмѣсто витіеватой отвлеченности, говорить простыя назидательныя рѣчи, которыя могли бы имѣть практическое приложеніе въ жизни. Вообще говоря, византійская проповѣдь на русской почвѣ была не естественнымъ явленіемъ и потому-то не могла развиться. Примѣнительно къ умственному и нравственному состоянію русскаго общества нужны были такія поученія, гдѣ бы просто, въ доступной народу формѣ-на его родномъ языкѣ, со всѣми типическими особенностями этого языка, въ примѣрахъ, взятыхъ изъ бытовой жизни, поэтическихъ картинахъ, сроднившихся съ народной фантазіей и созданныхъ подъ вліяніемъ русской жизни, раскрывались истины, отвѣчающія запросамъ русской жизни, занимавшія мысль русскаго народа и рѣшающія для него вопросы его какъ религіозной, такъ и общественной жизни. Такова именно, какъ мы думаемъ, и была древне-русская проповѣдь, если разсматривать ее въ общемъ составѣ, хотя мы не можемъ указать ни одного проповѣдника въ частности, который строго выдерживалъ бы всѣ указанныя нами черты народности и практицизма. Но это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что ни отъ одного изъ проповѣдниковъ нашей древности не сохранилось достаточно памятниковъ ихъ, часто безспорно плодовитаго, проповѣдническаго слова, по которымъ бы можно воспроизвести цѣлый образъ самой проповѣди и опредѣлить ея характеръ. Мысль древне-русской проповѣди не потеряна и для насъ, но искать ее нужно не у того или другаго проповѣдника въ частности, а въ цѣломъ объемѣ древней проповѣди, между всѣми, часто ничтожными, отрывками про-

Digitized by Google

повѣдническаго слова, сохранившимися до насъ въ памятникахъ отъ далекой древности. Характерную особенность древне-русской проповѣди составляетъ и то, между прочимъ, что она не связывается съ именемъ проповѣдника. Вызываемая насущными потребностями жизни, направляемой по новому христіанскому идеалу, составляя одну изъ существенныхъ потребностей новопросвѣщеннаго народа, проповѣдь широко распространена была въ народѣ и, при своемъ распространеніи, все болѣе и болѣе проникалась народными воззрѣніями, такъ что къ извѣстномъ отношеніи она, на ряду съ былиной-пѣсней, думою, предстаетъ какъ бы дѣломъ народнаго творчества [1]). Только для показанія священной важности проповѣди она надписывается именами, чтимыми въ христіанскомъ мірѣ-именами св. апостоловъ, св. отцевъ и особенно часто именемъ св. Златоуста. Но эти надписанія не открываютъ намъ имени проповѣдника, а напротивъ подъ священными именами св. апостоловъ и отцевъ Церкви большею частію скрывается русскій авторъ, желавшій своимъ надписаніемъ показать, что онъ учитъ право, согласно съ ученіемъ Церкви. Такимъ образомъ при характеристикѣ древне-русской проповѣди нужно имѣть въ виду, чтобы не быть односторонними, кромѣ проповѣдей авторизованныхъ, принадлежащихъ извѣстному проповѣднику, проповѣди неизвѣстныхъ проповѣдниковъ-псевдонимныя, съ ложнымъ надписаніемъ имени, и совершенно безъименныя (анонимныя). Для удобства въ изложеніи мы скажемъ о тѣхъ и другихъ въ отдѣльности.

---

[1]) Назидательные духовные стихи, религіозныя народныя сказанія и легенды при одинаковой тенденціи съ церковною проповѣдью дѣйствительно могутъ быть названы проповѣдями народнаго творчества.

Digitized by Google

Поученіе новгородскаго епископа *Луки Жидяты* [1]) открываетъ собою рядъ поученій, отмѣченныхъ печатью народности и составленныхъ примѣнительно къ потребностямъ русской жизни и мысли. Это поученіе, какъ думаютъ, было первымъ словомъ епископа къ своей паствѣ и, весьма вѣроятно, служило вступленіемъ къ цѣлому ряду пастырскихъ поученій. Странно было бы думать, что поученіе дошедшее до насъ было первымъ и послѣднимъ словомъ учительнаго пастыря, умѣвшаго ясно и просто бесѣдовать съ народомъ и говорить »съ этимъ, по выраженію преосв. Макарія, младенцемъ въ вѣрѣ« понятнымъ языкомъ о высокихъ христіанскихъ обязанностяхъ. По своему содержанію поученіе Луки Жидяты можетъ разсматриваться, какъ вступленіе вообще во всю древне-русскую проповѣдь. Здѣсь намѣчаются, хотя и не развиваются въ достаточной степени, почти всѣ обычныя темы древне-русской проповѣди. »Не лѣнись въ церковь ходить.... и въ своей клѣти, хотяй спати, Богу поклонись, также и ложась на постель«.... Эти назиданія такъ часто повторялись въ древней проповѣди, что и доселѣ еще памятны русскому народу, и доселѣ еще русскій благочестивый человѣкъ, отходя ко сну, не только молится, но и креститъ свою постель, креститъ кругомъ себя. »Не буди ино на сердци, а ино во устѣхъ. И подъ братомъ ямы не рый, да тебе Богъ въ горшая не вержетъ«.... Лесть, коварство въ древне-русской жизни имѣли какое-то особенно страшное значеніе. Льстивый, коварный человѣкъ представлялся нашимъ предкамъ какимъ-то пугающимъ привракомъ. Это опасеніе измѣны, невѣрности отравляло счастіе и спокойствіе русскаго человѣка [2]). Вотъ почему въ древне-русской ли-

[1]) Лука Жидята посвященъ въ епископскій санъ въ 1035 г. Тогда же вѣроятно было произнесено и его поученіе.

[2]) Припомнимъ здѣсь героя народной повѣсти »о горѣ—злосчастьи«, который, разъ сдѣлавшись жертвою людскаго коварства,

Digitized by Google

тературѣ, между прочимъ и въ церковной проповѣди, мы очень часто встрѣчаемъ съ одной стороны убѣжденія не быть льстивымъ, не замышлять, прикрываясь дружеской личиной, зла другому, »не имѣть упадки хилявыя«, а съ другой стороны обличенія этихъ мрачныхъ, темныхъ личностей, у которыхъ »медъ каплетъ съ языка и ядъ кипитъ на сердцѣ«. Даже простая молчаливость, скрытность заключала въ себѣ что-то не доброе, по представленію нашихъ предковъ.... »Злаго мужа блюдися молчанія, яко потаи хитающаго пса«-внушается въ поученіи, приписываемомъ Кириллу Философу [1]). Нелицемѣрность, искренность отношеній, чуждая всякой хитрости и притворства, ставились какъ первое условіе прочности взаимныхъ привязанностей. Но какъ узнать, испытать эту вѣрность и искренность? У друзей бываютъ общія тайны, открытіе которыхъ можетъ принесть вредъ одному и пользу доносчику. Послушаетъ человѣкъ внушеній собственнаго эгоизма, онъ не сохранитъ тайны; откажется отъ приманокъ самолюбія-онъ не откроетъ тайны. Такимъ образомъ храненіе тайны могло служить пробою вѣрности. »Сыну, аще хощеши любитися съ другомъ, внушалъ чадолюбивый родитель своему дѣтищу, напутствуя его своими совѣтами на широкую дорогу жизни, прежь искуси его, яви ему тайну свою и минувши днемъ разсвирися. аще явитъ тайну, иже еси повѣдалъ, то не другъ« [2]). Должно быть этотъ искусъ былъ довольно обыч-

потерялъ вѣру въ людей, а вмѣстѣ и возможность счастія, потому что обманувшись разъ въ мнимо-надежномъ другѣ, который оказался человѣкомъ льстивымъ, горезлосчастный добрый молодецъ такъ извѣрился, что не могъ уже вѣрить даже своей невѣстѣ и пропѣлялъ свое счастье на »гунку кабацкую«. (Пам. стар. русск. лит. т. I).

[1]) Изв. Ак. Н. 1854 г. IV. [2]) Поученіе отъ святыхъ книгъ о чадѣхъ—см. опис. Румянц. Муз. 31—32 стр. и 510. Это же поученіе издано Сухомлиновымъ въ Изв. Ак. Н. 1854 г., т. IV, стр. 151—153.

Digitized by Google

нымъ, такъ что въ поученіяхъ встрѣчаются наставленія о томъ, чтобы не смущаться случайной ссорой и не прерывать ради ея дружескихъ связей, т. е. не выдавать дружескую тайну. »Свара дѣля дружніи тайны не проявивъ«, поучаетъ Кириллъ Философъ, »но на дружбу надѣйся ему возвратитися« [1]). Если съ хорошими отношеніями не смирилась ханѣна, коварство, то имъ противорѣчила равнымъ образомъ и льстивость. »Друга ищи не мила тя ся дѣюще, по тебѣ молвяще, но ищи крѣпкаго душею и пользы тебѣ дѣюща, противляющася непостыднымъ твоимъ словесемъ, глаголемымъ по криву, яко же жала пчелы ненавидимъ, но плода ради любимъ«. [2]). Тоже читаемъ и въ другомъ словѣ: »други себѣ имѣй таковы, иже на вся глаголемая тобою хвалять. но правымъ судомъ отвѣщаютъ. а то бо есть не другъ. аще и зло что сотвориш ты. а онъ все хвалитъ. то ласковцы свѣта сего и душамъ губители« [3]). Опасаясь излишнихъ отступленій отъ предмета, мы считаемъ неудобнымъ вдаваться въ объясненіе-какимъ образомъ наша историческая жизнь содѣйствовала развитію столь мрачныхъ представленій о порокахъ, по видимому довольно обычныхъ,-лести, притворствѣ, съ ихъ коварствомъ и задними мыслями. Мы имѣемъ въ виду собственно показать, какъ мысль, вскользь высказанная въ поученіи Луки Жидяты, широко была развита дальнѣйшею проповѣдью. Мы могли бы и другія мысли, высказанныя въ поученіи Луки Жидяты очень коротко, афористически представить въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи, но ограничимся-во избѣжаніе растянутости рѣчи-однимъ указаніемъ тѣхъ мыслей въ поученіи Луки Жидяты, которыя по своей народности и практичности составили излюбленную тему нашей древней проповѣди.-»Помилуйте убо-

---

[1]) Изв. Ак. Н. 1854 г., т. IV, стр. 139.
[2]) Тамъ же. [3]) Прав. Соб. 1859 г. I, 136.

Digitized by Google

гія голодныя темничныя«.... Эти назиданія такъ часто повторялись въ древней проповѣди, что дали начало ложному понятію о милостыни и благотворительности. Подъ вліяніемъ этихъ назиданій благочестивые люди щедро раздавали милостыню нищимъ, забывая о своихъ собственныхъ прямыхъ обязанностяхъ по отношенію къ дѣтямъ и домашней челяди. Русскій практическій, здравый смыслъ не могъ допустить такой крайности, и вотъ на ряду съ ученіемъ о милостыни является ученіе о томъ, чтобы эта милостыня не служила для благотворителя поводомъ къ угнетенію его домашнихъ, не заставляла ихъ жить въ горькой нищетѣ и скудости. Въ поученіи Луки Жидяты, изданномъ преосвящ. Макаріемъ, внесена и эта, такъ сказать, поправка ученія о милостыни, опытами практической жизни вызванная и быть можетъ не совсѣмъ согласная съ идеальными представленіями о благотворительности, основывающейся на самоотреченіи: »то бо вельми милостивъ есть, иже домашняя своя безъ скорби сотворитъ« [1]). »Чти стараго человѣка и родителя своя«.... Въ этомъ наставленіи слышится урокъ самой жизни. Вся жизнь древне-русскаго человѣка располагалась по старинѣ, преданію, по отеческому наказу и наставленію. Поучая о почтеніи родителей и старыхъ, проповѣдники освящали пастырски-учительнымъ словомъ то, что вошло уже, какъ основное ученіе, начало, въ самую жизнь, что составляло норму жизни. Отецъ въ русской семьѣ былъ не только ея главою, но и единственнымъ представителемъ ея разумѣнія, такъ какъ всѣ остальные члены семьи считались несовершеннолѣтними, неспособными жить своимъ умомъ-разумомъ. Но вотъ этотъ представитель разумной силы, руководящій семьей, думающій за нее, умираетъ... Что же дѣлать, какъ жить дѣтямъ малымъ-неразумнымъ?

[1]) Ист. Р. Ц. преосв. Макарія, т. I, 278, № 6 въ прилож

Digitized by Google

Чтобы спасти дѣтей отъ возможныхъ, вслѣдствіе неопытности житейской, несчастій, отецъ вмѣстѣ съ имуществомъ своимъ завѣщеваетъ дѣтямъ и свою мудрость, которая дороже всякаго имущества и должна быть для дѣтей своего рода святыней, нарушеніе или оскорбленіе которой было бы преступленіемъ. Въ народной повѣсти о горѣ-злосчастьи народная фантазія караетъ горезлосчастнаго молодца именно за то, что онъ нарушилъ, оскорбилъ эту святыню, не захотѣлъ послушаться совѣтовъ отца своего и матери. Въ нашей литературѣ есть цѣлый отдѣлъ поученій отеческихъ. Они особенно важны для характеристики міровоззрѣній древне-русскаго человѣка, потому что въ нихъ высказываются самыя завѣтныя убѣжденія, какія выработалъ себѣ древне-русскій человѣкъ, высказываются съ неподдѣльною искренностію, тою искренностію, какая можетъ быть только у отца въ его предсмертныя минуты, въ напутствованной бесѣдѣ его съ дѣтьми [1]).

Особый, примѣнимый къ потребостямъ того времени, смыслъ могъ заключаться и въ слѣдующихъ наставленіяхъ: »судите судъ по правдѣ.... ерея Божія чтите« и проч. Но всѣ эти наставленія высказаны такъ коротко и обще, что въ такомъ видѣ они могли быть сказаны всюду и во всякое время. Болѣе яркой чертой народости отмѣчено наставленіе касательно употребленія вина. »Не пити безъ года (не во время), но въ мѣру, а не въ пьянство«. Это короткое наставленіе могло бы служить эпиграфомъ ко всей древней русской проповѣди о пьянствѣ, гдѣ нисколько не осуждалось самое питье вина, а порицалось только злоупотреб-

[1]) Много интересныхъ замѣчаній о поученіяхъ отцевъ къ дѣтямъ, а также и самый текстъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, можно читать въ ст. Буслаева: »Древняя русская словесность«. Р. Вѣстн. 1856 г. т. IV, 1—50; 279—322 стр.

Digitized by Google

леніе этимъ питьемъ-пьянство. »Добро есть по малу пити, - читаемъ въ одномъ древнемъ словѣ, - яко бо земля згода напоѣма что всѣянное въ ней сѣмя съ прибыткомъ возвращается. а многими тучами умочаема терніа токмо и былія растить. тако и сердечная земля. аще и помалу пріемлетъ питіе. то вся мысли благія плодитъ. аще ли многимъ размокла питіемъ. то вся злыя наноситъ мысли. Многое питіе мало даетъ смыслити« [1])

По сходству въ характерѣ поученій рядомъ съ именемъ новгородскаго епископа Луки Жидяты обыкновенно ставятъ препод. игумена печерскаго *Θеодосія* (1074). До насъ сохранилось очень мало поученій съ именемъ Θеодосія, хотя изъ житія его, составленнаго лѣтописцемъ Несторомъ, извѣстно, что онъ часто училъ не только свою братію, но и народъ. Пр. Θеодосій, какъ разсказывается въ житіи его, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы высказать назидательное поученіе: Къ нему привели пойманныхъ разбойниковъ. Онъ освободилъ ихъ и произнесъ по этому случаю поученіе. Бесѣды его съ князьями были поучительнаго характера. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ прослезился пр. Θеодосій на пиру у Святослава и простымъ вопросомъ: »будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ«? заставилъ прекратить веселую музыку и пѣсни пирующихъ. Въ бесѣдахъ своихъ съ другомъ своимъ Яномъ и женою его Θеодосій поучалъ »о милостыни къ убогимъ и о царствіи небеснѣмъ, еже пріяти праведникомъ, а грѣшникомъ муку, и о смертнѣмъ часѣ«.

Изъ поученій народу намъ извѣстны только два, »о казняхъ Божіихъ«, гдѣ обличается народное суевѣріе, и доселѣ держащееся въ простомъ народѣ, о дурныхъ встрѣчахъ, и другое »поученіе объ умѣренности въ застольномъ питьѣ«. Послѣднее въ особенности замѣчательно. Оно можетъ быть

[1]) Прав. Собес. 1859 г. кн. 1.

Digitized by Google

названо вполнѣ народнымъ, какъ по своему предмету, такъ и по тону рѣчи. Обличая господствующій въ народѣ порокъ-пьянство, проповѣдникъ сравниваетъ пьянаго съ бѣсноватымъ и нѣсколько иронически высказываетъ, что бѣсноватый исправимѣе пьянаго: »бѣсный бо нужею терпитъ. Небеснаго царства сподобится. а пьяничивый волею бѣсится. Наслѣдитъ огнь негасимый. пришедши бо іереи сотворятъ молитву бѣсному. проженутъ бѣса. а надъ пьянымъ аще бы со всея земли сошлися попове и творили молитвы. то не могутъ прогнати самовольнаго бѣса запойства злаго«... Такъ какъ выпиванье прикрывалось благовиднымъ предлотомъ, пили съ пѣніемъ тропарей, то, не порицая самаго обычая пѣть тропари, проповѣдникъ настаиваетъ, чтобы этихъ тропарей не было болѣе трехъ: »обѣдъ поставится Христосъ Богъ славится и сѣсти пити лѣность... Егда же отобѣдаютъ. Дѣва Марія Господа родьшая славити. а третье государю. лише же не велимъ«... »Святіе отцы-говоритъ пр. Ѳеодосій въ концѣ своего поученія объ умѣренности въ застольномъ питьи-отрекли много тропрари. се чревоработницы уставили многія тропари глаголати въ пиру. много хотячи пити«. Въ этомъ поученіи приводятся даже легендарныя сказанія, съ авторитетомъ Писанія, какимъ они и пользовались дѣйствительно въ древнюю пору у русскаго народа: »а и сами въ Писаніи пытайте. Како ти Богородица ко святому Василію рекла. Аще мя заступница въ бѣдахъ имѣти хощеши, другъ ми любимый будеши, питія много отверзися и не молитвуй пьянъ, не будеши услышанъ, но и паче разгнѣвиши Бога«... Вліяніе подобныхъ легендарныхъ сказаній, распространенныхъ въ народѣ и знакомыхъ только для тѣхъ, кто близокъ былъ къ народной жизни, отозвалось въ правилѣ о томъ, какъ нужно вести себя во время обѣда. »Обѣдающе же пустомныхъ не глаголати Нифонтово воспоминающе видѣніе, иже человѣка видѣ съ женою и съ дѣтьми обѣдающа.

Digitized by Google

Предъ нимъ пѣніе въ красныхъ стояше ризахъ, числомъ елико ядущихъ. Нифонтъ же чудяшеся моляше Бога-да проявитъ, бѣша бо обѣдяще убоги. и стояще въ чистыхъ одеждахъ. Откры ему Богъ яко ангели суть. Никогда бо не отходятъ блюдуще вѣрныя. Но егда смѣхъ или кощуны начнутъ, или клеветами осуждати кого, то отходятъ ангели, а бѣсъ пришедъ насѣваетъ злая... Основывающееся на видѣніи Нифонта, правило о скромномъ, въ сознаніи ангельскаго присутствія, благоговѣйномъ поведеніи за столомъ, пользовалось большою извѣстностію у нашихъ предковъ, послужило темою для нѣсколькихъ особыхъ поученій и въ послѣдствіи вошло въ составъ Домостроя, гдѣ въ главѣ XI сказано: »и егда ядятъ съ благодареніемъ и съ молчаніемъ, или съ духовною бесѣдою, тогда ангелы невидимо предстоятъ и написуютъ дѣла добрыя, и яства и питіе въ сладость бываетъ«. Особенно въ простомъ быту народа это правило, какъ замѣчаетъ издатель разсматриваемаго нами поученія въ Прав. Собес., сохраняется многими благочестивыми людьми и до сихъ поръ; многіе благочестивые люди не только начинаютъ и оканчиваютъ свою трапезу молитвой, но и совершаютъ ее какъ какой нибудь священный обрядъ; при этомъ даже говорить много и громко считается грѣхомъ [1]). Правда, разсказъ о видѣніи Нифонта »въ поученіи объ умѣренности въ застольномъ питьѣ« быть можетъ не принадлежитъ самому Ософору и привнесенъ въ его поученіе послѣ. Такъ можно думать какъ потому, что этотъ разсказъ не во всѣхъ спискахъ поученія встрѣчается, такъ и потому, что онъ не вяжется съ общимъ строемъ рѣчи въ поученіи и является въ немъ чѣмъ-то вводнымъ, нарушающимъ связь и порядокъ рѣчи, помѣщаясь между настав[illegible] ризѣ и раздѣляя

[1]) Прав. Собес. Окт. 1858 г. 256 стр.

ихъ на двѣ половины. Но если сомнѣніе въ принадлежности разсказа о Нифонтѣ самому Ѳеодосію и оказалось бы основательнымъ, если этотъ разсказъ дѣйствительно послѣ привнесенъ въ поученіе пр. Ѳеодосія, то и этотъ самый подлогъ можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ народности поученій пр. Ѳеодосія. Народу были такъ близки и доступны поученія пр. Ѳеодосія, такъ много встрѣчалъ онъ здѣсь сроднаго съ собственнымъ міровоззрѣніемъ, что и мечты своей фантазіи (навѣянныя, впрочемъ, счужа) сливалъ съ тѣми поученіями, не замѣчая никакого контраста въ соединяемыхъ представленіяхъ. Это сліяніе, ассимилизація проповѣднаго слова и народныхъ, поэтическихъ сказаній особенно важны въ томъ отношеніи, что они не могли быть преднамѣренны, что здѣсь не было никакого умышленія и слѣдовательно только общій духъ народности, сродство въ міровоззрѣніи, послужили основою для этого объединенія.

II.

Проповѣдники XII вѣка—Климентъ Смолятичь, Нифонтъ Новгородскій, Аврамій Смоленскій.

Отъ XII вѣка до насъ не сохранилось памятниковъ проповѣдническаго слова, принадлежащихъ какому либо извѣстному проповѣднику и въ тоже время отмѣченныхъ печатью народности, составленныхъ подъ вліяніемъ народныхъ воззрѣній и отразившихъ на себѣ народныя печали и думы. Конечно, это не даетъ никакого повода предполагать, что народной проповѣди и не было въ то время. Напротивъ можно не сомнѣваться, что многія изъ проповѣдей, принадлежащихъ неизвѣстнымъ проповѣдникамъ (и въ особенности проповѣди противъ двоевѣрства), относятся именно къ XII вѣку. Если до насъ не сохранились, по крайней мѣрѣ, не узнаны и не излѣдованы самые мамятники проповѣднической дѣятельности народныхъ проповѣниковъ, то извѣстны по крайней мѣрѣ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Digitized by Google

Мы разумѣемъ злополучнаго Кіевскаго митрополита *Климента Смолятича*, *Нифонта Новгородскаго и Аврамія Смоленскаго*.

По отзыву лѣтописи, *Климентъ Смолятичь* († 1155 г.) былъ »книжникъ и философъ, такъ якоже въ русской земли не бяшеть.... зѣло книженъ и учителенъ и философъ велій и многа писанія написавъ предаде« [1]). По замѣчанію Шевырева [2]), въ рукописяхъ нерѣдко встрѣчаются слова съ именемъ Климента епископа; но до сихъ поръ они не изданы и критика еще не рѣшила или сказать точнѣе не рѣшала вопроса-принадлежатъ ли эти поучительныя слова Клименту Смолятичу [3]), или же другому какому нибудь Клименту, напр. Римскому, съ именемъ котораго не мало встрѣчается словъ въ прологѣ. Но какъ бы то ни было, признавая безспорнымъ учительство Климента Смолятича, мы въ тоже время съ достаточною достовѣрностію можемъ предполагать, что это учительство было въ народномъ духѣ. За это ручается русское происхожденіе Климента, бывшее косвенною причиною его несчастій и невольнаго, преждевременнаго удаленія съ каѳедры.

---

[1]) Полн. собр. лѣт. т. II, 3. 29. Никон. лѣт. II, 35.

[2]) Шевыревъ. Истор. р. слов. ч. 2-я, стр. 158.

[3]). На основаніи изысканій Срезневскаго (Древ. пам. р. письма и языка, Изв. Ак. Н. т X. 98 стр.) преосв. Макарій считаетъ возможнымъ приписать Клименту »Слово о любви Климово« (Ист. Рус. Ц. т. I. 210), а преосв. Филаретъ признаетъ болѣе чѣмъ за вѣроятное, что сему учительному пастырю принадлежитъ краснорѣчивое поученіе въ недѣлю всѣхъ святыхъ (Обзоръ, 48 стр.) Но по замѣчанію преосв. Макарія, это слово можетъ быть приписываемо и всякому другому іерарху второй половины XII в. или первой XIII-го (Ист. Русс. Ц. т. 1. стр. 211).

Digitized by Google

Нифонтъ Новгородскій извѣстенъ намъ по своимъ отвѣтамъ на вопрошеніе черноризца Кирика. Преосв. Филаретъ въ своемъ» Обзорѣ духовной литературы« отрицаетъ мнѣніе Шевырева [1]) и преосв. Евгенія о принадлежности Нифонту тѣхъ поученій, какія въ рукописяхъ надписываются именемъ преп. Нифонта [2]) и считаетъ эти поученія извлеченіемъ изъ житія преп. Нифонта Кипрскаго [3]). Но самая жизнь Нифонта, насколько она можетъ быть извѣстна по лѣтописямъ [4]), свидѣтельствуетъ о его практическомъ направленіи: онъ принималъ дѣятельное участіе во многихъ современныхъ ему вопросахъ, не только церковныхъ, но и общественныхъ (примиреніе князей). Съ другой стороны отвѣты Кирику свидѣтельствуютъ о его пониманіи характера и недостатковъ вѣры современнаго ему русскаго общества. При такихъ условіяхъ проповѣдь Нифонта, существованіе которой мы не подвергаемъ сомнѣнію, не могла быть отвлеченной.

О характерѣ и направленіи этой проповѣди мы можемъ судить по нѣкоторымъ отрывкамъ изъ его отвѣтовъ черноризцу Кирику, которые могутъ въ свою очередь разсматриваться какъ поученія, такъ какъ ихъ значеніе не только юридическое, но и нравственно-назидательное и даже послѣднее болѣе, чѣмъ первое. На вопросъ Кирика о рѣзахъ, т. е. займѣ съ ростомъ-предметѣ, котораго часто касалась наша древняя проповѣдь, Нифонтъ съ мудростію практическаго человѣка давалъ такія наставленія: »если то попъ

[1]) Поѣздка въ Кирилл. мон. ч. 2, ст. 181—2. Ист. лит. 158, 18½. Словарь писателей дух. чина преосв. Евгенія т. II, 142. [2]) По катал. Рукоп. Толст. стр. 123, 130, 135, 456. По описанію Румянц. Музея стр. 227, 230, 234. Это слово о покаяніи и милостынѣ... о русальяхъ... о яденіи... и проч. [3]) Обзоръ стр. 50. [4]) Полн. собр. р. лѣт. т. II, 29, 30, 80, т. III, 6, 9, 13, 214, 215.

Digitized by Google

(беретъ росты); скажи ему-не достойнѣ ти служити, еще того не останеши; а если мірянинъ, то скажи-ты не долженъ брать, на мнѣ грѣхъ, если бы я не сказалъ тебѣ того; если не могутъ оставить того, то скажи будьте милосерды, возьмите легкій (ростъ); если дано по 5 кунъ, возьми 3 или 4«.... Противъ остатковъ язычества Нифонтъ, наравнѣ съ другими древними проповѣдниками, возставалъ очень горячо. Кирикъ спрашивалъ: »Аже се роду и роженицѣ краютъ хлѣбы и сиры, и медъ (піютъ)?« Что же Нифонтъ, какъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ?-»Бороняше вельми. Нѣгдѣ, рече, молвить горе пьющимъ рожаницѣ«. По этимъ отрывкамъ мы можемъ составить себѣ общее представленіе о томъ, каковъ былъ тонъ и направленіе рѣчей Нифонта и съ полнымъ, кажется, правомъ можемъ прозрѣвать за характернымъ, хотя и общимъ, выраженіемъ-»бороняше«-живую, одушевленную проповѣдь, въ которой слышалось бы съ одной стороны искреннее убѣжденіе ревнующаго о торжествѣ новыхъ началъ христіанскаго пастыря, а съ другой его благоразумная умѣренность и примѣняемость къ духу паствы, еще не окрѣпшей въ новой вѣрѣ. Такое благоразуміе практически-мудраго наставленія ясно видно въ наставленіи Нифонта о рѣзахъ.... »Если не могутъ оставить того, то скажи-будьте милосерды, возьмите легкій (ростъ); если дано по 5 кунъ, возьми 3 или 4«.

Съ болѣе опредѣленными чертами выступаетъ предъ нами личность преподобнаго *Аврамія Смоленскаго*, какъ проповѣдника. Памятниковъ проповѣднической дѣятельности, которые можно бы съ несомнѣнностію приписать Аврамію Смоленскому, до насъ не сохранилось; но характеръ его проповѣди съ достаточною полнотою выясняется въ житіи его, составленномъ его ученикомъ Ефремомъ [1]). Изъ этого

[1]) Житіе пр. Авр. Смолен. издано въ Прав. Соб. 1858 г. въ сент. и нояб. кн.

Digitized by Google

житія узнаемъ мы, что Аврамій по своему времени былъ человѣкъ очень просвѣщенный, что онъ »яко дѣлолюбивая пчела вся цвѣты облетающи и сладкую себѣ пищу приносящи и готовящи. Такоже и вся отъ всѣхъ избирая и списая ово своею рукою, ово многими писцы« [1]). Особенною любовію Аврамія, по словамъ его жизнеописателя, пользовались сочиненія Ефрема Великаго (т. е. Сирина), Златоуста и Ѳеодосія Печерскаго, которыя онъ читалъ постоянно, день и ночь. Но просвѣщая »свою душу и помыслъ« знакомствомъ съ твореніями великихъ учителей Церкви, преп. Аврамій не утрачивалъ чрезъ то способности спускаться до низкаго уровня пониманія своихъ непросвѣщенныхъ слушателей. »Дасть бо ся ему благодать Божія не токмо почитати, но и протолковати, яже многѣмъ несвѣдущимъ и отъ него сказанная всѣмъ разумѣти« [2]). Нужно думать, что Аврамій говорилъ свои поученія безъ подготовки, экспромтомъ, не имѣя подъ руками отеческихъ твореній, которыя ему были извѣстны и къ которымъ онъ могъ обращаться по мѣрѣ надобности, »и слышащимъ къ сему, замѣчаетъ жизнеописатель, изоустъ и памятью сказая, яко ничтоже ся его не утаить Божественныхъ писаній«. Такъ какъ Аврамій говорилъ безъ подготовки, подъ живыми впечатлѣніями минуты и, такъ сказать, по вызову самой просвѣщаемой среды, то его проповѣдь была и постоянна, и разнообразна, подобно тому, какъ разнообразны были случаи къ проповѣди. »Николиже умолкаша уста его ко всѣмъ, къ малымъ же и великимъ, рабомъ же и свободнымъ, и рукодѣльнымъ« [3]). Можно предполагать, впрочемъ, что чаще всего Аврамій бесѣдовалъ о страшномъ судѣ и мытарствахъ-предметѣ, на которомъ издавна любила оста-

[1]) Прав. Собес. 1858 г. III. стр. 142. [2]) Прав. Собес. 1858 г. III. стр. 147.

[3]) Тамъ же.

Digitized by Google

навливаться народная фантазія, съ котораго началась христіанская проповѣдь русскому народу. Мысль о страшномъ судѣ и мытарствахъ глубоко занимала умъ преп. Аврамія, и онъ часто размышлялъ объ этомъ предметѣ....

»Блаженный Аврамій, разсказываетъ его жизнеописатель Ефремъ, часто себѣ поминая, како истязуютъ душу пришедши ангели и како испытаніемъ на воздусѣ. отъ бѣсовскыхъ мытаревъ како есть предъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ воздати и въ кое мѣсто поведутъ и како во второе пришествіе предстати предъ судилищемъ страшнаго Бога. и како будетъ отъ судія отвѣтъ. и како огнѣнна рѣка потечетъ пожигающи вся. и како помогая будетъ развѣ покаяніе, милостыня и безпрестанныя молитвы и ко всѣмъ любы и прочая иная дѣла благая. яже обрѣтаються помогающія души« [1]). Естественно предположить, что мысль, такъ глубоко запавшая въ душу благочестиваго проповѣдника, чаще всего сказывалась и въ его собесѣдованіяхъ съ народомъ. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на слушателей, Аврамій изобразилъ даже на картинахъ страшный судъ и воздушныя мытарства-предметъ своихъ собесѣдованій. »Написа же двѣ иконы. едину страшный судъ втораго пришествія. а другую испытанія воздушныхъ мытарствъ« [2]).

Такъ какъ до насъ не сохранилось памятниковъ, по-видимому обширной, литературной проповѣднической дѣятельности пр. Аврамія Смоленскаго, то трудно судить съ положительностію о характерѣ его проповѣди; но несомнѣнно, что эта проповѣдь была народнаго характера. Иначе, какъ понять разсказъ жизнеописателя Ефрема о томъ, что народъ, тотъ самый народъ, который не хотѣлъ слушать Кирилла Туровскаго, можно сказать, преслѣдовалъ своимъ вниманіемъ преподобнаго Аврамія. Преподобный жилъ въ пяти

[1]) Прав. Собес. 1858 г. т. III. стр. 389. [2]) Тамъ же с. 148.

Digitized by Google

верстахъ (поприщахъ) отъ города (Смоленска), въ Богородичномъ монастырѣ и, не смотря на такую отдаленность, народъ толпами шелъ къ преподобному-послушать его поученій. Такой успѣхъ возбудилъ зависть въ городскомъ духовенствѣ, которому показалось обиднымъ, что монастырскій проповѣдникъ »обратилъ къ себѣ весь городъ«; даже самъ игуменъ былъ недоволенъ и просилъ Аврамія не проповѣдывать, принимая грѣхъ на себя-»азъ за тя отвѣщая убо Богу. Ты же перестани уча« [1]). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ непріятностей Аврамій пришелъ въ самый городъ, въ »монастырь у честнаго креста«. Народныя симпатіи не охладѣли, а еще болѣе усилились, когда Аврамій поселился въ самомъ городѣ. »И ту начаша болѣ приходити и ученіе его множайшее быти« [2]). Недовольство духовенства перешло въ какое-то озлобленіе, и преподобный былъ даже позванъ на »соймъ«, преданъ суду, который конечно доказалъ его невинность [3]). Замѣчательно, что между другими обвиненіями поставлялось на видъ и то, что онъ читаетъ »глубинныя книги«. Трудно рѣшить спорный вопросъ о томъ, разумѣется ли здѣсь воспѣтая въ народномъ стихѣ »голубиная книга«, или же встрѣчающаяся между отреченными книгами-книга »глубина« [4]); но главное-то остается для насъ безспорнымъ: книга эта голубиная, или глубина,-народная книга и, стало быть, Аврамія обвиняли въ родствѣ съ народомъ, близости къ народу, въ чтеніи народныхъ, не освященныхъ признаніемъ Церкви, книгъ.

---

[1]) Мы уже имѣли случай замѣтить, что не учить въ древнюю пору, при возможности и способности къ этому дѣлу, считалось тяжкимъ грѣхомъ.

[2]) Правосл. Собес. 1858 г. т. III. ст. 146. [3]) Тамъ же с. 373.

[4]) Впрочемъ книга »глубина« не всегда считается между отреченными книгами. Въ рукописяхъ Синод. библ. есть статья »о книгахъ кая чести«, гдѣ между одобренными послѣ книгъ Ветх. и Нов. Завѣт. стоятъ: »слѣд. Іоаннъ Аксархъ, Василій Новый и Хронографъ, Жемчугъ, Глубина. Опис. Синод. б. II, № 316 л. 90).

Digitized by Google

III.

Проповѣдники XIII вѣка-Кириллъ 1-й митрополитъ Кіевскій и приписываемое ему „поученіе ко всѣмъ крестьянамъ", поученія Кирилла, епископа Ростовскаго.

Въ первой половинѣ XIII вѣка извѣстны по своей проповѣднической дѣятельности митроп. Кириллъ I-й и, въ особенности, Кириллъ Ростовскій.

Съ именемъ митрополита *Кирилла* († 1233) не сохранилось ни одного поученія; о немъ сказано въ лѣтописяхъ только то, что онъ былъ и философъ великій, учителенъ зѣло и хитръ ученію божественныхъ книгъ [1]). Но преосв. Филаретъ съ нѣкоторою вѣроятностію приписываетъ митр. Кириллу напечатанное въ Москвитянинѣ за 1851 г. древнее слово »на поученіе ко всѣмъ крестьянамъ« [2]). »Поученіе ко всѣмъ крестьянамъ« довольно обширно и содержаніе его весьма разнообразно. Здѣсь говорится »о постѣ, о сусѣдѣ, о монастырѣхъ, о епископѣ, о попѣхъ, о князѣхъ, о друзѣхъ, о страсѣ, о челяди« и проч. Словомъ это своего рода энциклопедія, въ которой сведены всѣ нравственныя и соціальныя понятія древне-русскаго человѣка, это »домострой« въ его зародышѣ, *»вождь по жизни«*, предупредившій тремя вѣками появленіе извѣстныхъ съ XVI вѣка нашихъ домостроевъ и вождей по жизни. Мы считаемъ излишнимъ передавать все содержаніе »поученія ко всѣмъ крестьянамъ«; укажемъ только черты болѣе типическія, свидѣтельствующія о его народности и родствѣ съ другими древне-русскими народными поученіями.

Какъ бы протестуя противъ идеальной благотворительности, развивающейся иногда въ ущербъ благосостоянію домашнихъ и прислуги (и вытекающей не всегда изъ

---

[1]) Лаврент. сп. стр. 190. [2]) Москвит. 1851 г. к 5. стр. 119-134.

Digitized by Google

чисто нравственныхъ побужденій), проповѣдникъ, послѣ наставленій о нищелюбіи, считаетъ нужнымъ замѣтить: »не обижайте домашнихъ сиротъ, но особенно будьте къ нимъ милостивы, не морите ихъ голодомъ и наготою; ибо эти убогіе твои домашніе, нищій въ другомъ мѣстѣ попроситъ, а эти отъ твоихъ рукъ ждутъ всего«. Подобная мысль, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, высказывается, хотя довольно смутно, уже у перваго нашего народнаго проповѣдника Луки Жидяты, но потомъ она развивается во многихъ другихъ, преимущественно анонимныхъ, поученіяхъ: »Велія бо сія милостыня, -читаемъ мы въ словѣ »о милостыни и о рабѣхъ«, -еже свой домъ не въ нужди держати, ниже ребовъ подъ ранами кормити« [1]). А вотъ какъ не туже тему наставляетъ другое слово: »ближнихъ рода твоего не презри: первѣе домашнихъ своихъ и родъ свой безъ печали сотвори, потомъ же милостыню твори инымъ. Сіе бо лицемѣріе есть, еже чужія надѣляти сироты, а родъ свой или домашніе, наги, боси или гладни суть. Когда же о душахъ ихъ попечешися тѣлѣснаго не исправя; и како въ Божій страхъ приведешь ихъ тѣлѣсными недостатками оскорбляя. Оле несмысльства и злосердія!« [2]). При томъ властномъ отношеніи, въ какомъ стоялъ глава русской семьи какъ къ своему семейству-женѣ и дѣтямъ, такъ въ особенности къ домашней прислугѣ, имѣли смыслъ и подобныя наставленія: »не мала милостыня есть, иже домашнія своя безъ печали сотворити, и безъ воздыханія и безъ слезъ. Аще бо достойни будутъ казни, то вмѣсто того, да помиловани будутъ: не тако бо ранами, яко милостынею содрогнутся и накажутся« [3]). Въ словѣ »о чедяди« поученіе ко всѣмъ крестьянамъ подробнѣе выясняетъ свою мысль о гу-

[1]) Прол. ч. IV, стр. 134 (на 27 марта). [2]) Прол. ч. IV, стр. 16 на 5 марта. [3]) Прол. ч. IV, стр. 240 на 27 апрѣля.

Digitized by Google

манномъ обращеніи съ домашней прислугой: »Еще говорю вамъ, любезныя дѣти мои, прислугу свою кормите до сыта, одѣвайте и обувайте. Если же не будете кормить и обувать, а раба твоего или рабу убьютъ на воровствѣ, то тебѣ приведется отвѣчать за кровь ихъ«. Но лучшее выраженіе и, такъ сказать, сводъ всѣхъ, высказанныхъ въ проповѣди наставленій объ отношеніи къ прислугѣ, можно читать въ словѣ »како жити христіаномъ«. Мы приведемъ выдержку изъ этого, въ своемъ родѣ классическаго, поученія. »Возлюбиши искренняго своего яко самъ ся. не ине по роду ближній. но всякаго вѣрна. а се лицемѣріе. не любовь есть. богатыхъ стыдѣтися и убогихъ озлобляти. Чюжи надѣляти сироты, а своихъ скорбни оставити. и родъ свой въ недостаткѣхъ голодни и нази. и рабы и рабыня въ наказаніи имѣйте вѣриемъ. и довольная имъ исполняйте и не безчествуйте ихъ. ти бо человѣцы таціи же суть. на послуженіе вамъ Богомъ дани. аще не довольно даси имъ. они крадутъ и разбиваютъ. тебѣ отвѣтъ предъ Богомъ дати за то. аще и убіютъ котораго ихъ. достоитъ бо вамъ и душами ихъ печаловати. Божію закону учити. на добро приводити. на покаяніе нудити« [1]). Слово о смерти жены по своему тону приближается къ безхитростной народной рѣчи. Въ этомъ отдѣлѣ своемъ »поученіе ко всѣмъ крестьяномъ« наставляетъ овдовѣвшихъ мужей, чтобы они, вступая въ новый бракъ, не охладѣвали въ своей заботливости и любви къ дѣтямъ, прижитымъ отъ первой жены. Мы приведемъ это наставленіе въ подлинникѣ, не переводя его на русскій современный языкъ. »Аже не любити начнешь (по наговорамъ мачихи) обоихъ дѣтей ладно, то по Златоустому Іоанну осужденъ будеши въ муку вѣчную, и подобенъ будеши коневи, на немъ же кобыла

[1]) Прав. Собес. 1859 г. кн. I. стр. 135.

Digitized by Google

начнетъ ѣздити всѣдни« [1]). Въ нѣкоторыхъ совѣтахъ »поученія« замѣтна какая-то наивность, объясняемая простотою нравовъ той среды, для которой оно предназначалось. »Если примите въ домъ свой инока, или другого служителя церкви,-читаемъ въ словѣ »о священникахъ«,-и захочете угостить его: то не принуждайте его пить болѣе трехъ чашъ, но отдайте ему на волю, и, буде самъ онъ упьется, то самъ и будетъ отвѣчать за то; а вамъ не нужно брать на себя грѣхъ его«. Подобная наивность совѣтовъ и вмѣстѣ какая-то обрядность, опредѣляющая мелочныя, по-видимому, отношенія людей, не рѣдкость въ нашихъ древнихъ поученіяхъ, особенно-поученіяхъ анонимныхъ, которыя можно считать по преимуществу народными. Какъ часто повторялись такого рода поученія, можно судить потому, что они привились къ народной жизни; ихъ наивныя наставленія дали начало многимъ народнымъ понятіямъ и обычаямъ. Вотъ, напримѣръ, какое наставленіе читаемъ мы въ одномъ словѣ, напечатанномъ въ Прологѣ, объ отношеніи народа къ священникамъ и церкви: »буди же домъ твой покоище служителемъ Божіимъ, рекше пресвитеромъ и всякому церковному чину. Введи таковыя въ домъ твой, и съ великою честью посади я. Постави имъ трапезу, яко и самому Христу: самъ же предъ ними послужи, и жена твоя и дѣти твои. Аще ли нудятъ ти сѣсти, то на нижнемъ мѣстѣ сяди. Сотвори же имя твое знаемо, да въ церкви Божіи молитва за

[1]) Подобную же мысль раскрываетъ апокрифическое »поученіе св. отца Василія кесарійскаго«, гдѣ внушается, чтобы отецъ умирая завѣщавалъ свое имѣнье дѣтямъ, а не передавалъ женѣ въ полное распоряженіе, хотя бы она и завѣряла его въ своихъ намѣреніяхъ сохранить вдовство, постричься въ монахини и проч., такъ какъ она можетъ вступить въ новый бракъ и забыть дѣтей прижитыхъ отъ перваго мужа. (Поуч. св. о. Вас. кес. изд. въ Прав. Соб. 1858 г. декаб. кн.).

Digitized by Google

тя къ Богу, яко ѳиміамъ возносится: и свѣща твоя всегда да свѣтится въ церкви, и просфора твоя такоже« [1]). Подобныя наставленія можно принять за описаніе обычаевъ русскаго благочестиваго человѣка-до такой степени они проникли въ его жизнь, воплотились, такъ сказать, въ его обычаяхъ. О древности »поученія ко всѣмъ крестьяномъ« можно заключать потому, что здѣсь говорится о волхвахъ, отъ которыхъ совѣтуется православнымъ удаляться. Въ наставленіяхъ о вѣрности князьямъ замѣтно, что рѣчь идетъ о князьяхъ удѣльныхъ. Намековъ на татарское иго не встрѣчается, а это заставляетъ предполагать, что слово написано прежде этого тяжелаго для Руси событія.

Мы закончимъ свои замѣчанія о поученіи ко всѣмъ христіанамъ описаніемъ монастырей, какое встрѣчается въ этомъ поученіи, и также можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ его древности. Вотъ каковы были монастыри, по описанію разсматриваемаго нами поученія: »вшедъ въ нихъ, вы видите игумена, пасущаго стадо свое, и иноковъ, ради страха Божія, не отверзающихъ устъ своихъ. Видите, какъ одинъ, преклонивъ очи долу, воздѣваетъ руки свои къ небу и сердце свое имѣетъ горѣ, у престола Божія; а другой, простершись ницъ, плачетъ въ своей келіи; одинъ работаетъ какъ плѣнникъ, другіе стоятъ при дѣлахъ, какъ скованные; иные въ церкви, какъ каменные, неподвижно, возсылаютъ молитвы къ Богу и умоляютъ за весь міръ. Отъ сухоядѣнія у нихъ плоть прильнула къ костямъ; вѣрою они скоро могутъ исполнять все просимое, и даже преставлять горы, т. е. помогать больнымъ и недугующимъ, своими молитвами отвращать всякій гнѣвъ Божій и напасть. Въ сіи-то святыя мѣста приходите, къ симъ-то мужамъ припадайте, просите у нихъ благословенія и вводите ихъ

[1]) Прологъ на 27 апрѣля.

въ домы свои для благословенія« [1]). Не есть ли это описаніе тѣхъ древнихъ монастырей, которые, по словамъ преподобнаго Ѳеодосія, были посѣяны трудомъ и попеченіемъ, возращены слезами и молитвами?

О личности *Кирилла Ростовскаго* († 1212), какъ проповѣдника, сохранились болѣе подробныя извѣстія. О немъ извѣстно не только то, что онъ былъ »зѣло учителенъ«, но въ лѣтописяхъ передаются извѣстія и о томъ, какъ народъ относился къ его проповѣди. Въ лѣтописномъ разсказѣ объ отношеніи народа къ проповѣди Кирилла Ростовскаго передается, что эта проповѣдь привлекала къ себѣ не только жителей города Ростова, но и многихъ изъ окрестныхъ градъ... [2]). Что же было привлекающаго въ проповѣди Кирилла?-Несомнѣнно, что эта проповѣдь не была отвлеченной, книжной проповѣдью,-но въ чемъ были ея особенности, привлекшія народныя симпатіи, трудно сказать, потому что изъ его обширной проповѣднической дѣятельности [3]) у насъ изданы только 4 слова, съ вѣроятностію ему приписываемыя [4]). По мнѣнію издателя словъ Кирилла, не всѣ они дошли до насъ въ своемъ полномъ составѣ. Первыя два представляются только небольшими отрывками изъ цѣльныхъ, связныхъ поученій. Оба эти поученія нравственнаго

---

[1]) Москвит. 1851 г. ч. II, стр. 123.

[2]) Полн. собр. р. лѣт. т. I, 195 стр.

[3]) »Духовное убо сѣмя въ вашихъ душахъ уже первое и второе всѣялъ есмь многажды«, говоритъ Кириллъ въ одномъ изъ своихъ поученій.

[4]) Эти четыре слова изданы въ Прав. Собес. въ февр. кн. 1859 г. Преосв. Филаретъ въ своемъ Обзорѣ (70) приписываетъ Кириллу Ростовскому еще пять словъ, изъ которыхъ одно »о нищетствахъ« издано въ пам. XII в. съ именемъ Кирилла Туровскаго. Это-то самое слово, которое приписывается нашими учеными изслѣдователями то Кириллу Туровскому, то Авраамію Смо-

Digitized by Google

содержанія. Въ одномъ изъ нихъ проповѣдникъ убѣждаетъ своихъ слушателей быть благодарными къ своимъ благодѣтелямъ: »не мози никто заповѣди сея преступити, еже въ бѣдѣ пособіе отъ кого пріимъ, или изученіе отъ поганъ, или искупь долга люта, или отъ кого ся научивъ боже отвѣнныхъ книгамъ, не моги никто въ забытіи положити добро сотвореннаго«. Не помнящій благодѣянія сравнивается съ псомъ голоднымъ. »Таковый подобенъ псу голодну зимою измерзши аще согрѣемъ и накормленъ лаетъ на добро сотворшаго и укусити хощетъ«. Во второмъ словѣ Кириллъ убѣждаетъ къ добродѣтельной жизни, напоминая о тлѣнности всего земного и страшныхъ мукахъ геенскихъ, угрожающихъ грѣшникамъ. Его убѣжденія проникнуты теплотою чувства, въ его сужденіяхъ необыкновенная простота и наивность; сравненія для выясненія своихъ сужденій онъ беретъ изъ обыденной жизни, и огнь геенскій имъ сравнивается съ баней, а черви не умирающіе-съ комарами и мухами. »Аще бо одѣ банныя горющія теплоты укропныя не можемъ имѣти нама терпѣти. то како стерпимъ онъ лютый огнь и кипящія смолы мученія. аще убо комара или мухи страшаща не терпимъ. то како брытіе неусыпающихъ

донскому. Принадлежность его Кириллу Ростовскому представляется вѣроятной, потому что въ своихъ поученіяхъ Кириллъ Рост. разсуждаетъ о смерти грѣшныхъ и мукахъ загробныхъ. Но нельзя не замѣтить, что подобныя разсужденія были любимой темой всѣхъ благочестивыхъ людей древней Руси; на грандіозной картинѣ загробныхъ мученій невольно останавливалось воображеніе нашихъ предковъ. Припомнимъ, какое впечатлѣніе эта картина произвела на князя Владиміра, когда греческій проповѣдникъ показалъ ему муки ада и блаженства рая. Не удивительно, что проповѣдь о вѣчныхъ мукахъ и, такъ сказать, варіація этой проповѣди — ученіе о мытарствахъ, повторялась и у послѣдующихъ проповѣдниковъ древней Руси.

Digitized by Google

червій лютость стерпимъ«. Въ изъясненіи даже общихъ истинъ и нѣсколько отвлеченныхъ, какова, напримѣръ, мысль о скоропреходящности всего земнаго, есть у Кирилла какая-то наглядность, поэтическая образность. »Любимицы! когождо насъ вѣкъ скоро скончавается. Друзіи бо вечеръ легше на одрѣ, а утро не восташа, отъидоша бо житія сего«. Послѣднія два слова Кирилла Ростовскаго трактуютъ о паденіи злыхъ духовъ, созданіи человѣка и искупленіи его Сыномъ Божіимъ. На этихъ словахъ замѣтны слѣды »болгарскихъ басенъ«, на нихъ хотя и смутно отразились богомильско-гностическія представленія, занесенныя къ намъ изъ родины богомильства-Болгаріи и, по своему фантастическому характеру, быстро распространившіяся между русскими грамотниками. Ничего нѣтъ удивительнаго, если бы и современный намъ простолюдинъ съ бо́льшимъ вниманіемъ слушалъ разсказъ о томъ, какъ Господь низвергъ злыхъ духовъ съ неба и какъ по одному возгласу архангела Михаила (который прежде назывался просто Миха и получилъ свое имя отъ развѣнчаннаго въ сатану бывшаго ангела старѣйшаго, воеводы перваго сатанаила) »воимемъ« спасавшіеся отъ гнѣва Божія бѣсы, посыпавшіеся съ неба какъ песокъ, мгновенно остановились и какъ бы замерли на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поразилъ ихъ архангельскій гласъ. »Отъ того гласа абіе повѣшены быша демони на воздусѣ превыше... другіе погрязли въ преисподней... третьи, попадавшіе на землю, на ней и остались«... Для фантазирующаго разскащика нѣтъ ничего прикровеннаго. Онъ знаетъ, какую силу имѣетъ каждая изъ этихъ категорій демоновъ и въ какомъ отношеніи она стоитъ къ людямъ. »Висящіи же ничто же сами могутъ пакости сотворити. Что попуститъ Богъ, то и творятъ«. Погрязшіе въ преисподней »суть яко глуси, не свѣдять бо ничтоже яже въ мірѣ«. »А иже разсказывается о третьей категоріи бѣсовъ-отъ нихъ подошо

на земли, то тіи ходятъ по земли дѣлающи злая своими прелестьми». Подобные разсказы нельзя считать народными въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ они навѣяны извнѣ, созданы восточной фантазіей; но ихъ можно назвать народными въ томъ отношеніи, что они давали обильную пищу для чувства и воображенія душевныхъ способностей, имѣющихъ преобладающее, если не исключительное, значеніе въ духовной жизни каждаго народа въ младенческую эпоху его развитія. Въ этихъ же словахъ «Кирилла Ростовскаго высказывается между прочимъ мысль, ведущая свое начало изъ глубокой древности, но не канонизованная Церковію, что Богъ создалъ родъ человѣческій для того, чтобы восполнить имъ отпадшій отъ Него десятый чинъ ангеловъ, для чего предназначено семь тысячъ лѣтъ. Уставъ Богъ рокъ человѣкомъ житію на земли 3 лѣтъ, и что ся ихъ въ ту 3 лѣтъ изберетъ во святыя по закону Божію жизнихъ. Тѣми ангельскій чинъ спадшій исполняетъ».

IV.

Поученіе Серапіона епископа Владимірскаго, какъ выраженіе народнаго настроенія во время татарскаго нашествія, и другія поученія, сродныя по своему направленію съ поученіями Серапіона. Общее замѣчаніе о проповѣдничествѣ Кирилла II, митрополита Кіевскаго и Симеона епископа Тверскаго.

Въ XIII вѣкѣ Русь постигло великое бѣдствіе, тяготѣвшее надъ нею въ теченіе двухъ столѣтій. Правда, татарское иго было гнетомъ внѣшнимъ: оно не касалось нравственныхъ и религіозныхъ основъ русской жизни, не подавляло развитія нравственныхъ силъ, а на ротивъ, какъ думаютъ нѣкоторые наши историки, возбуждая эти силы, содѣйствовало ихъ развитію. Но горечь татарскаго ига не могла не чувствоваться въ русской жизни, и сознаніе этой горечи не могло не отразиться въ церковной проповѣди, чутко отзывавшейся на всѣ современные вопросы и интересы жизни. Благочестіе нашихъ предковъ объясняло татарскую

грозу, какъ наказаніе Божіе за грѣхи, а потому татарское иго служило для нашихъ предковъ живымъ назиданіемъ и возбуждало въ нихъ покаянныя чувства. Лучшимъ выразителемъ народныхъ думъ того тяжелаго времени былъ владимірскій епископъ *Серапіонъ*. Мы остановимся нѣсколько на разборѣ его словъ, въ которыхъ, по выраженію Шевырева, слышится подражаніе то скорбному, то гнѣвному, то утѣшительному голосу пророковъ во времена вавилонскаго плѣна [1]). Особенною скорбностію отличаются первыя три слова, въ которыхъ слышится сознаніе грѣховности и послѣдовавшей за то кары Божіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и горячій призывъ къ покаянію. Подъ вліяніемъ покаяннаго настроенія проповѣднику представляется, что самыя стихіи выражаютъ гнѣвъ Божій за грѣхи людскіе. »Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, нынѣ движется по повелѣнію Божію, колеблется отъ грѣховъ нашихъ, не можетъ носить беззаконій нашихъ... Всячески наказавъ насъ, продолжаетъ Серапіонъ свою обличительную рѣчь, Богъ не отучилъ насъ отъ злыхъ привычекъ: и потому нынѣ потрясаетъ и колеблетъ землю, хощетъ стрясти съ земли беззакоія и грѣхи многіе, какъ листья съ дерева« [2]). Но и колебанія земли не вразумили людей! »Тогда Богъ навелъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ неподающій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей«. И вотъ какъ далѣе изображается горе, причиненное русской землѣ татарами. »Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ пищу птицамъ; кровь отцевъ и братіевъ нашихъ, аки вода многа, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей воена-

[1]) Слово первое, прибав. къ Тв. св. отц. 1843 г. т. I, 98-99 стр. [2]) Тамъ же, слово 3-е, 194 стр.

Digitized by Google

нальниковъ, храбрые наши бѣжали, исполненные страха, еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травой и величіе наше смирилось, красота погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другимъ, труды наши достались невѣрнымъ«... [1]). Убѣждая къ раскаянію и исправленію, проповѣдникъ сокрушается при мысли, что въ жизни его пасомыхъ совершаются по прежнему обычныя дѣла темныя разбойникъ не престаетъ отъ разбоя, тать не пропуститъ случая украсть, грабитель по прежнему грабитъ и т. д. Въ виду кары Божіей, недостатки общественной жизни представляются проповѣднику въ самыхъ рѣзкихъ очертаніяхъ, и нравственное состояніе общества изображается у него самыми мрачными красками. »Зависть умножилась, злоба возобладала нами, гордость надмила умъ нашъ, ненависть къ ближнимъ вселилась въ сердца наши, ненасытимая любостяжательность поработила насъ, не даетъ намъ быть милостивыми къ сиротамъ, не даетъ сознавать естество человѣческое. И какъ звѣри алчутъ насытиться плотію, такъ и мы алчемъ и не перестаемъ желать, какъ бы всѣхъ погубить, а горькое и кровію облитое ихъ имущество захватить. Звѣри ѣдятъ и насыщаются, а мы не можемъ насытиться« [2]). Такая жизнь вызывала неминуемую кару правосуднаго Бога. И этой карой было татарское иго и другія бѣдствія, стоящія съ нимъ въ связи. »Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ, говоритъ проповѣдникъ, продолжается томленіе и мука, и тяжкіе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ скота нашего. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ воздыханій и печали сохнутъ кости наши. Что же довело насъ до этого? Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность« [3]). И во имя этого бѣдствія, ниспосланнаго Богомъ, карающаго за грѣхи,

[1]) Тамъ же. [2]) Тамъ же, стр. 195-196. [3]) Слово 3-е, стр. 106.

проповѣдникъ призывалъ къ покаянію и исправленію. »Умоляю васъ, братія и дѣти, исправьтесь; перестаньте дѣлать зло... Умоляю васъ: пусть каждый изъ васъ вникнетъ въ свои мысли, разсмотритъ сердечными очами дѣла свои, возненавидитъ ихъ и откажется отъ нихъ. Прибѣгните къ покаянію; гнѣвъ Божій прекратится и милость Господня изліется на насъ. Мы въ радости будемъ жить на землѣ нашей«[1]). Воодушевленныя рѣчи Серапіона были, можно думать, приняты народомъ съ большимъ сочувствіемъ, какъ болѣе ясное и отчетливое выраженіе того, что смутно чувствовалъ самъ народъ въ виду постигшей его невзгоды. Такъ думаемъ потому, что въ слѣдующихъ словахъ Серапіонъ уже жалуется на то, что народъ въ своемъ усердіи къ исправленію жизни зашелъ слишкомъ далеко и при этомъ высказалъ непониманіе духа и требованій христіанской вѣры. »Не много времени порадовался я о васъ, дѣти, — такъ начинается четвертое слово Серапіона, — видя вашу любовь и послушаніе къ нашей худости«.... Учительнаго пастыря опечалило то, что народъ въ порывахъ ревности христіанской сожигалъ волхвовъ и выкапывалъ изъ могилъ похороненныхъ тѣла утопленниковъ и удавленниковъ, считая ихъ грѣшную жизнь и кончину причиной гнѣва Божія и общественныхъ бѣдствій[2]). Мы передали содержаніе этихъ словъ Серапіона. Едва ли нужно говорить о томъ, что въ нихъ, какъ въ картинѣ, можно сказать, живо отразилось здѣсь не только общественное состояніе, но даже и самое настроеніе современной ему эпохи. Въ 1858 г. изданы были въ Правосл. Собесѣдникѣ еще два слова чрезвычайно сходныя по своему содержанію, тону и даже мелкимъ особенностямъ

[1]) Слово 3-е, стр. 105-106. [2]) 4-е и 5-е слова, изъ которыхъ послѣднее изд. Шевыревымъ въ его книгѣ: »Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монаст.« Прибав. къ Твор. св. отц. 1843 г. т. I. стр. 199.

языка съ словами Серапіона, такъ что сначала ихъ считали также принадлежащими Серапіону. Не приводя доводовъ критики за и противъ принадлежности этихъ двухъ словъ самому Серапіону, мы ограничимся только замѣчаніемъ, что и эти слова живыми чертами рисуютъ предъ нами, съ одной стороны, гнетъ татарскій, а съ другой общественное настроеніе и нравы общества. Видно, что проповѣдникъ поучалъ не отвлеченно, а подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній, какія давала ему современная жизнь. И вотъ на какихъ печальныхъ явленіяхъ останавливается вниманіе проповѣдника, обличающаго неправды и призывающаго народъ къ покаянію. »Многіе изъ вельможъ,-читаемъ мы въ словѣ о мятежи житія сего,-прежде времени, какъ псы, сведены были въ адъ, а богатые впослѣдствіи обнищали. И судья радуется, осуждая подсудимыхъ, потомъ восплачетъ, когда потеряетъ власть. И ничто не твердо въ людяхъ, но все безпорядочно: одинъ землю у другаго захватилъ, а другой имѣнье отнялъ; вотъ село слыло за тѣмъ, а нынѣ домъ другаго тамъ. Другіе, не насыщаясь имѣніемъ, и свободныхъ сиротъ порабощаютъ и продаютъ. Иные крадутъ и грабятъ, стараясь собрать больше имѣній. Нисколько нѣтъ правды въ нихъ... Нѣтъ праваго пути, ни суда праваго...« Въ заключеніе этой обличительной рѣчи проповѣдникъ призываетъ къ покаянію и обѣщаетъ милосердіе Бога, Который, какъ человѣколюбивый Отецъ, отъ каждаго изъ насъ ждетъ покаянія и исправленія. Намъ кажется, что такое глубокое сокрушеніе о грѣхахъ, такой покаянный тонъ проповѣди вызванъ былъ бѣдствіями татарскаго гнета, которыя навели русскаго человѣка на размышленія о его грѣховности и преступности жизни.

На ряду съ словами Серапіона по обличительно покаянному тону можно поставить нѣсколько другихъ словъ, принадлежащихъ *неизвѣстнымъ* проповѣдникамъ и также отра-

Digitized by Google

зившихъ на себѣ народное горе-татарскій гнетъ и отношеніе народнаго сознанія къ этому горю. Вотъ одно изъ такихъ словъ, проникнутое такою же живостію и силою чувства, какъ слова Серапіона, и составленное, если не самимъ Серапіономъ, то подъ очевиднымъ вліяніемъ его поученій. Такъ какъ это послѣднее слово-»слово ко всему міру на пользу слышащимъ«-очень часто встрѣчается въ рукописяхъ [1]), то нужно предполагать, что оно было одно изъ самыхъ распространенныхъ въ народѣ поученій, чѣмъ и объясняется то, что въ немъ встрѣчаются чисто народныя, неканонизованныя Церковію, религіозныя представленія. Проповѣдникъ ведетъ свою бесѣду отъ лица Господа. »Вотъ вамъ говоритъ Господь устами своими: чада мои милыя! зачѣмъ вы вышли въ чужую землю и заблудились, а ваша земля запустѣла и возросли по ней терніе и волчцы? Пойдите въ свою землю, взыщите истиннаго пути, пойдите къ отцу своему, пребывайте въ любви«... Затѣмъ, высказавши нѣсколько уроковъ нравственной жизни, которая даетъ намъ какъ бы право на милость и прощеніе Божіе, проповѣдникъ отъ имени Господа обличаетъ людей за ихъ немилосердіе и слабую вѣру: »зачѣмъ вы пренебрегаете моими словами? Я послалъ вамъ эпистолію на землю, вы и тому не повѣрили, зачѣмъ затворяете врата отъ нищихъ,-говоритъ Господь. Для кольевъ и саней есть мѣсто въ дворахъ вашихъ, а для меня въ дворахъ вашихъ нѣтъ мѣста, гдѣ бы я могъ главу подклонить; я скитаюсь по улицамъ. Что принесли вы на этотъ свѣтъ, или что возьмете отсюда съ собою? Не могу терпѣть вашего неразумія. Я потрясъ землю, вы

[1]) Опис. Румянц. Муз. 232 и 729 стр. Преосв. Филаретъ предполагаетъ, что это слово написалъ старецъ нижегород. монаст. Павелъ Высокій (1382 г.), хотя для этого предположенія нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ того, что Павелъ былъ »книженъ вельми и философъ веліи«.

Digitized by Google

не повѣрили мнѣ [1]). Пустилъ на васъ измаильтянъ, которые пролили кровь вашу по землѣ. Любя ли ихъ пустилъ на васъ или ненавидя ихъ, но мнѣ милъ родъ христіанскій, говоритъ Господь. Послушайте меня и я избавлю васъ отъ муки поганыхъ; пріимите эпитемію, хотя по малу, глаголетъ Господь«... Но вмѣсто того, чтобы въ несчастіи обратиться къ милости Божіей, народъ маловѣрный совсѣмъ оставилъ Бога и затворилъ даже храмы Божіи. Обличая эту скудость вѣры, проповѣдникъ отъ имени Господа говоритъ: »весьма вы прогнѣвали меня, и я все стерпѣлъ; но сего не могу стерпѣть: зачѣмъ вы затворили церкви? Если бы вамъ возбранили это поганые, и тогда бы вамъ слѣдовало оставить все имѣніе и идти въ церковь. Если бы даже пришлось вамъ пролить кровь, и тогда вы не должны преступать моихъ заповѣдей. Я далъ вамъ искусъ, искушая васъ, и содержу всѣхъ васъ въ рукѣ моей, и далъ вамъ животъ. Не дивно человѣку пасть, но послѣ паденія нужно востать покаяніемъ и добрыми дѣлами« [2]). Замѣчательная особенность »слова ко всему міру« состоитъ въ томъ, что здѣсь открывается новая особенная, сравнительно съ поученіями Серапіона, черта въ душевномъ настроеніи русскаго народа въ эпоху татарскаго гнета-это убѣжденіе, что Богу, Который все содержитъ въ рукѣ своей и всему даетъ животъ, »милъ родъ христіанскій«, и надежда, что Богъ, пославши испытаніе, избавитъ народъ свой отъ муки поганыхъ. Покаянно обличительный тонъ проповѣди Серапіона, равно какъ и отрадныя надежды на избавленіе отъ поганыхъ, высказываемыя въ »словѣ ко всему міру«-не есть дѣло случая и не принадлежитъ только

---

[1]) Это кажется намекъ на землетрясеніе, о которомъ говорилъ Серапіонъ въ первомъ словѣ. [2]) Духовн. Вѣстн. 1862 г. 1. 292-293.

Digitized by Google

авторамъ проповѣди: это выраженіе народнаго сознанія, болѣе ясное и отчетливое выраженіе того, что неясно понималъ и смутно чувствовалъ самъ народъ. Въ эпоху общественныхъ бѣдствій всегда возбуждается въ народѣ, съ одной стороны, сознаніе своихъ недостатковъ, и въ лучшихъ выразителяхъ его думъ и чувствованій (а въ древнюю пору такими выразителями были церковные проповѣдники) мы читаемъ народную исповѣдь, а съ другой стороны въ это же время особенно сильно чувствуется крѣпкая вѣра, надежда на лучшее будущее, которое достижимо, если не собственными силами изнемогшаго въ борьбѣ народа, то при содѣйствіи высшей, чудесной помощи всеблагаго Господа. Припомнимъ для аналогіи ветхозавѣтныхъ пророковъ, появлявшихся главнымъ образомъ въ тяжкую для народа еврейскаго эпоху вавилонскаго плѣна: въ ихъ вдохновенныхъ рѣчахъ слышится грозное обличеніе и скорбь, »жалость и горе«, когда они говорятъ о беззаконіяхъ своего народа, но у нихъ же высказываются и самыя восторженныя чувства, самыя свѣтлыя чаянія, когда они прозрѣваютъ въ будущее и переносятся мыслію въ то, еще далекое отъ нихъ, блаженное время, когда придетъ Мессія и избавитъ отъ плѣна народъ свой. Серапіонъ еп. владимірскій былъ лучшимъ выразителемъ своего времени съ его скорбями и надеждами, но, конечно, не единственнымъ, хотя до насъ и сохранились почти одни только имена другихъ проповѣдниковъ, поучавшихъ русскій народъ въ эпоху татарщины, т. е. отъ половины 13-го до половины 15-го вѣка.

Изъ проповѣдниковъ XIII вѣка, кромѣ названныхъ уже нами - Кирилла 1-го, Кирилла Ростовскаго и Серапіона, извѣстны еще только два-митрополитъ Кириллъ II, знаменитый устроитель земли русской послѣ татарскаго погрома, и Симеонъ, первый Тверской епископъ.

Отъ проповѣднической дѣятельности *Кирилла II* до

Digitized by Google

насъ сохранилось только его »поученіе попомъ«, сказанное имъ, какъ предполагаютъ, по окончаніи владимірскаго собора, бывшаго въ 1372 году, и помѣщающееся обыкновенно непосредственно за правилами этого собора. Это же поученіе найдено было (Розовымъ), какъ вставка, въ пространномъ словѣ на день архангела Михаила [1]). »Поученіе попомъ« показываетъ въ проповѣдникѣ пастыря опытнаго, ясно понимающаго, какое учительство нужно было для народа. Въ своемъ наставленіи священникамъ митрополитъ Кириллъ внушаетъ прежде всего, чтобы они сами позаботились о чистотѣ своей вѣры: »ложныхъ книгъ не читайте, еретиковъ уклоняйтесь, чародѣевъ бѣгайте, говорящимъ не отъ божественныхъ писаній заграждайте уста«... А вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуетъ священникамъ примѣняться въ дѣлѣ пастырскаго учительства къ нравственному состоянію паствы: »разумѣйте како учить дѣтей духовныхъ: не слабо, чтобы лѣнивы не были, не жестоко, чтобы не отчаялись« [2]). О проповѣднической дѣятельности *Симеона* перваго Тверскаго епископа (+1288 г.) извѣстно очень мало. Въ лѣтописи замѣчается о немъ, что онъ силенъ былъ въ книгахъ Божественнаго писанія, что онъ князей не стыдился и всѣмъ, говорившимъ неправду, былъ страшенъ. Въ рукописяхъ сохранилось съ именемъ Симеона небольшее поученіе, изложенное въ видѣ бесѣды между княземъ и самимъ епископомъ. Князь спрашиваетъ у епископа: гдѣ тіуну быть на томъ свѣтѣ? Симеонъ отвѣчаетъ: гдѣ и князю. Князю не полюбился такой отвѣтъ: онъ говоритъ: тіунъ неправедно судитъ, мзду беретъ, людей продаетъ, мучитъ, зло всякое дѣлаетъ, а я что? Симеонъ отвѣчаетъ: если князь добръ, богобоязливъ, жалѣетъ о людяхъ, правду любитъ, то тіуна

---

[1]) Обз. преосв. Филарета черниг., стр. 92. [2]) Поучен. попомъ изд. въ приб. къ Твор. Св. От за 1843 г.

Digitized by Google

и властеля избираетъ такого же: тогда и князь въ раю, и тіунъ въ раю. Если же князь безъ Божія страха, христіанъ не жалѣетъ, сиротъ не милуетъ, о вдовицахъ не печалуется, и въ тіуны или властели ставитъ человѣка злаго, лишь бы только князю товару добывалъ: тогда и князя въ адъ, и тіуна съ нимъ въ адъ [1]).

V.

Проповѣдники XIV вѣка. Поученія св. Петра митрополита, поученія и посланія св. Алексія митрополита Московскаго и Кирилла игумена Бѣлозерскаго монастыря. Общія замѣчанія о другихъ проповѣдникахъ XIV вѣка.

Между проповѣдниками XIV вѣка болѣе извѣстны: св. *Петръ* митрополитъ (1308-1326), св. *Моисей* епископъ Новгородскій († 1360), св. *Алексій* митрополитъ всея Россіи (1354-1377), *Павелъ* Высокій старецъ нижегородскаго монастыря († 1382), *Матѳей* епископъ Сарайскій (1356). Здѣсь же можно назвать *Кирилла* игумена Бѣлозерскаго монастыря, который изъ монастыря поучалъ князей своими посланіями. Дѣятельность св. митрополитовъ Петра и Алексія имѣла великое значеніе въ судьбахъ русской церкви и исторіи; но какъ проповѣдники, они мало извѣстны. По сказанію о жизни св. Петра, составленному епископомъ Ростовскимъ Прохоромъ, видно, что св. *Петръ* проповѣдывалъ неутомимо и постоянно, проповѣдывалъ »не токмо по градомъ, но и вся мѣста преходя« [2]). Конечно, эта проповѣдь не была книжной, отвлеченной и отличалась всѣми чертами, какія должны быть присущи народной про-

---

[1]) Ист. Рус. Слов. Шевырева, 3, стр 43-44.

[2]) Житіе св. Петра состав. Прохоромъ; изд. въ прилож къ Духовному Вѣстн. въ перв. т. за 1862 г. стр. 17—22.

Digitized by Google

повѣди, потому что она была обращена къ людямъ темнымъ, и странно было бы предположить, чтобы къ нимъ благоразумный учительный пастырь могъ обратиться съ отвеченною непонятною бесѣдой. Но такъ какъ поученія св. Петра говорились, вѣроятно, экспромтомъ, и темный, неграмотный народъ не нуждался въ томъ, чтобы эти поученія записаны были на бумагу, то и неудивительно, что отъ обширной проповѣднической дѣятельности м. Петра не осталось почти никакихъ слѣдовъ. До насъ дошли съ именемъ Петра только два поученія, или-вѣрнѣе сказать-окружныя посланія [1]). Обращая свое слово къ духовенству, святитель убѣждаетъ, чтобы пастыри Церкви учили народъ и слѣдили за его нравственною жизнію, поступая при этомъ съ большою осмотрительностію. »Назначайте противъ каждаго грѣха соотвѣтствующую епитимію по силѣ, во время надо связать и во время разрѣшить«. Желая показать пастырю величіе его пастырскаго призванія и тяжесть его отвѣтственности за нерадѣніе о спасеніи ввѣренныхъ его духовному водительству людей, святитель выражается такимъ образомъ: »всѣ блага свѣта сего ничто предъ Богомъ сравнительно съ единою душею человѣческою«.-Между наставленіями чисто нравственнаго характера, встрѣчаются въ поученіяхъ св. Петра обличенія исконныхъ русскихъ пороковъ-пьянства и ругательствъ, а также обличенія остатковъ языческой старины. »Учите родители дѣтей своихъ измлада, чтобы не навыкли говорити лихихъ словъ; а который неучнетъ васъ слушати, тѣхъ отъ церкви отлучити, а святаго причащенія не давати имъ, ни даровъ, ни Богородицына хлѣбца; и паки учите ихъ, чтобы басней не баяли, ни лихихъ бабъ не принимали, ни узовъ, ни примолвленія, ни зелье, ни

[1]) Памятн. стар. русск. литер. вып. 4. 187 стр.

Digitized by Google

вороженье, занеже Божье того дѣля приходитъ разгнѣваніе«.. Замѣчательна снисходительность, съ какою пастырь относится къ врагамъ христіанской вѣры, блюстительницамъ языческихъ преданій-къ этимъ, какъ выражались тогда, »лихимъ бабамъ«... Не анаѳемѣ предаетъ онъ ихъ, какъ это бывало на западѣ; онъ призываетъ ихъ къ церковному покаянію и совѣтуетъ священникамъ, чтобы они увѣщавали »лихихъ бабъ« не морочить народъ своими примолвленіями, зельемъ, и проч. »А имутъ васъ, попове, не слушати и вы ихъ не благословляйте; а крестьянамъ заказывайте, чтобы бабъ межи собою не держали, но гоняйте ихъ отъ себя, и сами бы отъ нихъ бѣгали, а кто не иметь васъ слушати«...Что же тѣмъ? какія угрозы покровителямъ языческой, враждебной христіанству старины? »А кто не иметь васъ слушати, и вы бы тѣхъ также отъ церкви отгонили«... Сколько христіанской гуманности, пастырскаго благоразумія и доброй снисходительности слышится въ этихъ наставленіяхъ! Даже по этимъ немногимъ отрывкамъ можно бы догадаться, что это проп вѣдуетъ пастырь близко знакомый съ народною жизнію, съ ея недостатками и немощами, и, въ предѣлахъ возможнаго, снисходящій къ этимъ немощамъ. Быть можетъ такимъ близкимъ знакомствомъ съ народною жизнію, тѣмъ, что »не по градомъ токмо« училъ св. Петръ, и объясняется его снисходительность и мягкость въ обличеніяхъ.

Послѣ св. митрополита *Алексія* осталось очень не много памятниковъ его учительной дѣятельности-поученій [1]), хотя и по этимъ оставшимся поученіямъ видно, что онъ

[1]) Извѣстны только три поученія, при томъ имѣющія форму посланій: 1, посланіе »ко всѣмъ сословіямъ«, вѣроятно окружное, (напеч. въ приб. къ Тв. Св. Отц. 1849 г.), 2, посл. въ Нижегородскую область и 3, посл. въ Червленный яръ (напеч. въ лит. ист. т. 1. 3 стр.

Digitized by Google

считалъ своею прямою обязанностію »воспоминать христіанамъ душеполезное и спасительное«, а стало быть и писалъ, по крайней мѣрѣ устно проповѣдывалъ, несравненно болѣе того, что осталось въ нашихъ памятникахъ. Равнымъ образомъ и для пастырей Церкви-священниковъ онъ ставитъ проповѣдь, какъ первый и существенный долгъ [1]). Для ознакомленія съ проповѣдью св. Алексія и чтобы показать ея простоту, приспособительность къ народному пониманію, мы сдѣлаемъ небольшія выдержки изъ его. поученія »ко всѣмъ сословіямъ« и посланія въ нижегородскую и городецкую область Убѣждая въ »посланіи ко всѣмъ сословіямъ« къ исправному хожденію въ церковь, св. Алексій беретъ сравненіе изъ обыденной жизни »Оставя всѣ дѣла своя на церковную молитву стекайтесь,-поучаетъ онъ,-безъ лѣности и не рцыте тако: отпоемъ дома. Якоже бо храмина дымомъ безъ огня не можетъ согрѣтися, тако и та молитва безъ церковныя. Церковь бо наречется земное небо«... Посланіе въ нижегородскую и городецкую область обличаетъ между прочимъ пьянство... »Еще, дѣти, пишу вамъ и о томъ, чтобы вы отсѣкли отъ себя корень зла, возбуждающій всякое беззаконіе, то есть пьянство: оно, во первыхъ, погубляетъ душу, отнимаетъ зрѣніе очей, тѣло дѣлаетъ безсильнымъ, сокращаетъ жизнь тѣлесную, истребляетъ въ человѣкѣ страхъ Божій, отдаляетъ его отъ Бога и доводитъ его до нищеты духовной и тѣлесной. Смотрите же, дѣти, сколько зла въ пьянствѣ«...

Къ поученіямъ-посланіямъ святителей Петра и Алексія по своему характеру и внѣшней формѣ примыкаютъ поученія игумена Бѣлозерскаго монастыря св. *Кирилла*, писанныя въ формѣ посланій къ русскимъ князьямъ. Поученія эти важны въ томъ отношеніи, что показываютъ, какое участіе принимали наши древніе пустынники въ дѣ-

[1]) Душеп. Чт. ч. 1. стр. 449.

Digitized by Google

лахъ общественной жизни, обращаясь къ самимъ князьямъ съ своимъ смѣлымъ учительнымъ словомъ. По поводу княжескихъ междоусобицъ и притѣсненія, какое оказывалъ великій князь Василій Дмитріевичъ удѣльнымъ князьямъ Суздальскимъ, Кириллъ въ своемъ посланіи даетъ великому князю такія наставленія. »Возненавидь всякую власть, влекущую тебя ко грѣху... Слышалъ я, господине великій князь, что великое смущеніе между тобою и сродниками твоими, князьями Суздальскими. Ты, господине, сказываешь свою правду, а они свою; а отъ того происходитъ христіанамъ великое кровопролитіе. Лучше разсмотри, господине, дѣло по истинѣ, и если въ чемъ правда будетъ на ихъ сторонѣ, ты уступи имъ по своему смиренію; а въ чемъ твоя правда будетъ предъ ними, ты постой за себя по правдѣ. А если они станутъ бить челомъ тебѣ, ты, господине, ради Бога пожалуй по ихъ мѣрѣ: ибо слышалъ, что они до сихъ поръ были у тебя въ нуждѣ и отъ того возстали[1])«. Еще съ большею силою эта заботливость смиреннаго инока о благѣ общественномъ, о благоустройствѣ любимаго отечества высказывается въ посланіи Кирилла къ Можайскому князю Андрею Дмитріевичу, въ области котораго и находилась Бѣлозерская обитель. Въ наставленіяхъ Кирилла къ этому князю высказывается такое знаніе жизни общественной, съ ея недостатками и разными невзгодами, что можетъ казаться даже невѣроятнымъ, чтобы такимъ образомъ писалъ и наставлялъ смиренный, благочестивый инокъ, живущій вдали отъ міра, въ монастырскомъ уединеніи. Вотъ о чемъ печалуется великому князю съ. Кириллъ: »Смотри, господине, чтобы судъ творили праведно, какъ предъ Богомъ, чтобы не было, господине, ни поклеповъ, ни подметовъ, чтобы судьи не принимали посуловъ, а были довольны своими оброками«. Судъ непра-

[1]) Акт. Ист. т. 1. № 12.

Digitized by Google

вый, какъ извѣстно, составлялъ одно изъ существенныхъ, хотя и неустранимыхъ, бѣдствій древне-русской жизни. Указавши князю на одно зло, требующее устраненія, Кириллъ высказываетъ далѣе заботу объ устраненіи или по крайней мѣрѣ послабленій другаго несчастія древне-русской жизни-пьянства. »Внимай себѣ, господине, чтобы въ твоей отчинѣ не было корчмы: ибо отъ нея великая пагуба душамъ, христіане пропиваются, а души ихъ гибнутъ«. »Такъ же, господине, пишетъ св. Кириллъ въ томъ же посланіи, чтобы не было у тебя мытовъ: ибо то куны неправедныя. А гдѣ перевозъ, тамъ прилично дать труда ради. Такъ же, чтобы не было ни разбоя, ни татьбы въ твоей отчинѣ, и если не уймутся отъ своего злаго дѣла, ты вели наказывать ихъ по мѣрѣ вины ихъ« и т. д.[1])...

Посланія св. Петра, Алексія и Кирилла, какъ можно судить и по представленнымъ нами выдержкамъ, имѣютъ много общаго съ проповѣдью; въ нихъ тотъ же учительный тонъ, таже простота и естественность рѣчи. Впослѣдствіи форма посланій сдѣлалась почти исключительной формой пастырскихъ наставленій, но соотвѣтственно тому, какъ замирало живое, проповѣдное слово, и въ посланіяхъ получала преобладающее значеніе безжизненная формальность, они становились какими-то оффиціальными грамотами, указами, гдѣ въ одинаковыхъ, разъ навсегда усвоенныхъ, формахъ высказываются разнаго рода предписанія, увѣщанія. И дѣйствительно, между пастырскими посланіями 15 в. можно встрѣчать такія, которыя почти буквально сходны

[1]) Акт. Ист. т. 1. № 16. Подъ разбоемъ вѣроятно разумѣются здѣсь поединки »поле«. Въ такомъ смыслѣ, основываясь на изысканіяхъ Розенкампфа, Калачова и др., понимаетъ это выраженіе, нерѣдко встрѣчающееся въ древнихъ памятникахъ, Лохвицкій въ своей статьѣ »Значеніе Божьихъ судовъ по русскому праву«. (Отеч. Зап. 1857 г. кн. VI. 509—520 стр.).

Digitized by Google

между собою, хотя написаны въ разное время, различными лицами и въ разныя мѣста [1]).

Чтобы кончить о русскихъ проповѣдникахъ до половины 15 вѣка, намъ бы слѣдовало еще сказать о св. *Моисеѣ* арх. Новгородскомъ, *Матѳіѣ* Сарайскомъ и *Павлѣ* Высокомъ, старцѣ нижегородскаго монастыря. Но о первомъ мы знаемъ только, что онъ много книгъ писалъ, былъ учителенъ и своею бесѣдою утѣшалъ печальныхъ. Народъ любилъ слушать назиданія св. Моисея и, по разсказамъ лѣтописи, »многы прихождаху къ нему, поучашеся отъ него день и ночь.« [2]). По всѣмъ этимъ признакамъ можно заключить, что поученія св. Моисея были жизненнаго характера, близки къ народнымъ интересамъ и народному пониманію.

Что же касается до остальныхъ двухъ проповѣдниковъ, то о нихъ еще менѣе можно сказать что либо положительное, кромѣ того, что они были »зѣло учительны«. Къ имени Матѳея Сарайскаго преосв. Макарій пріурочиваетъ, встрѣчающееся въ нѣсколькихъ, то болѣе обширныхъ, то сокращенныхъ, редакціяхъ »поученіе ко всѣмъ христіанамъ« на томъ основаніи, что въ одной рукописи часть этого обширнаго поученія надписывается именемъ Матѳея Сарайскаго [3]). Въ свою очередь преосв. Филаретъ предполагаетъ,

---

[1]) Срав. напр. посланіе Іоны въ Пермь (1452 г.) и посланіе м. Геронтія къ вятичамъ (1486—1489 г.). Акт. Ист. т. 1. №№ 98—261.

[2]) Полн. Собр. лѣт. т. III. 182.

[3]) Сокращенная редакція этого поученія изд. преосв. Макаріемъ въ его матеріалахъ для исторіи русской церкви. См. прилож. къ Дух. Вѣстн. за 1862 г. 26—32 стр. Полная же редакція этого поученія издана Погодинымъ (въ Москвит. 1851 г. 5 кн. 120—134 стр.), который съ полною увѣренностію относитъ это поученіе къ до-татарской эпохѣ, тогда какъ Матѳей Сарайскій жилъ въ концѣ 14 вѣка! Не болѣе ли вѣроятно мнѣніе преосв.

Digitized by Google

не приводя впрочемъ никакихъ доводовъ въ подтвержденіе своей гипотезы, что нижегородскому старцу Павлу Высокому, какъ писавшему много книгъ, могутъ принадлежать многія, часто встрѣчающіяся въ рукописяхъ и слѣдовательно въ свое всемя бывшія весьма распространенными въ народѣ, поученія,-между прочимъ,-»поученіе избранно отъ всѣхъ книгъ како жити христіанамъ«, извѣстное уже намъ и »слово ко всему міру на пользу слышащимъ« и слово о христіанствѣ[1]).

Филарета, который приписываетъ это поученіе, на основаніи того, что здѣсь слово со властію, митр. Кириллу 1? (Обз. пр. Фил. 67—69 стр.).

[1]) »Поученіе (ко всѣмъ христіаномъ) избранно отъ всѣхъ книгъ како жити христіаномъ« изд. въ Жур. М. М. Просв. за декаб. 1854 г. (по рукописи Куприянова) и въ Прав. Собесѣд. 1859 г. кн. 1. Сравнивая два списка, можно придти къ такому заключенію, что первый ближе къ подлиннику, можетъ быть не русскаго происхожденія, и потому менѣе типиченъ. Въ немъ излагаются моральныя истины, имѣющія общечеловѣческое значеніе. На послѣднемъ, изд. въ Прав. Соб., отразились замѣтные слѣды вліянія мѣста и времени. Въ послѣднемъ стихѣ замѣчательно и то между прочимъ, что авторъ или списатель старается придать особенную важность чернцамъ и черноризицамъ. Къ общему наставленію перваго списка о почтеніи къ епископамъ, попамъ и чернцамъ онъ дѣлаетъ такое прибавленіе: »паче же чернцамъ честь твори и черноризицамъ«. Мысль начальнаго текста о томъ, какъ хорошо бесѣдовать съ духовными людьми »о печалѣхъ свѣта сего« является въ такомъ освѣщеніи, какъ будто бы бесѣдовать нужно только съ монахами. »Иди въ келію ихъ« наставляетъ списатель слова желающихъ бесѣдовать о печалѣхъ свѣта сего. Равнымъ образомъ и совѣтъ дѣлать приношенія духовнымъ лицамъ, высказанный въ начальномъ спискѣ только въ общихъ чертахъ, здѣсь является въ странномъ искаженіи... »Паче же чернцемъ честь твори и черноризицамъ... Давай же имъ требе, вся бо та онѣ Богу въ рукѣ влагаеши«. По контексту выходитъ какъ

Digitized by Google

Мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробности полемики, возникшей по поводу вопроса о принадлежности анонимныхъ поученій тому или другому проповѣднику, такъ какъ для нашей цѣли важны собственно самыя поученія, а не лица, которымъ они могутъ быть приписаны. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ уже названныхъ нами, было много и другихъ проповѣдниковъ, говорившихъ свои поученія очень часто, не случайно, а систематически, хотя теперь и невозможно узнать имена этихъ усердныхъ проповѣдниковъ. Въ самыхъ поученіяхъ, принадлежащихъ неизвѣстнымъ проповѣдникамъ, встрѣчаются ясныя указанія на то, что сохранившіяся до насъ проповѣди представляютъ изъ себя только небольшія отрывки изъ цѣлаго ряда поученій. Такъ поученіе на вторую недѣлю поста, названное поученіемъ Іоанна Златоустаго, начинается словами: »Пріидите любимые, вси вѣрніи, стадо Христово, да обычное сотворю вамъ поученіе«. По выраженію »да обычное сотворю вамъ поученіе« можно заключать, что проповѣдникъ уже неоднократно бесѣдовалъ съ своими слушателями. И дѣйствительно, какъ замѣчаетъ о. Горскій, поученія на воскресные дни, начиная съ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ до пятой недѣли поста, находящіяся въ одной изъ рукописей Синодальной библіотеки [1]), представляютъ изъ себя рядъ проповѣдей, говоренныхъ однимъ и тѣмъ же учителемъ Церкви. Указаніе на »людей ново-

будтобы »требе« нужно было давать только черницамъ и черноризцамъ... Если всѣ указанныя нами особенности втораго списка поученія »како жити христіаномъ« даютъ нѣкоторое право видѣть въ его списателѣ какого нибудь инока, но самый авторъ слова все-таки остается неизвѣстнымъ. »Слово о христіанствѣ« правоописательнаго и обличительнаго содержанія. Изд. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1854 г.

[1]) Опис. рукоп. Синод. библіот. № 231.

Digitized by Google

просвѣщенныхъ« заставляетъ относить эти поученія къ отдаленному времени нашей Церкви [1]). »Азъ убо по вся дни творю поученія вамъ, возлюбленніи, да вы бысте добродѣтельно пожили«, говоритъ какой-то неизвѣстный проповѣдникъ въ началѣ своей проповѣди [2]). О томъ, какъ настойчива была иногда эта безъименная проповѣдь, можно судить по слѣдующему выраженію проповѣдника-»аще не слушаютъ учиміи, но мы не престанемъ учаще« [3]). Своею проповѣдью, какъ замѣтно, проповѣдники усиливались достигать опредѣленныхъ результатовъ. »Се убо азъ, любиміи, часто ученіе творя, надѣюся возбранити піанство«, высказывается одинъ анонимный проповѣдникъ [4]). »Возлюбленніи друзіи и братья свой долгъ отдаю всегда частѣмъ ученіемъ надѣяхся усѣкнути устремленіе пьянственное« [5]), такъ говоритъ одинъ псевдонимный проповѣдникъ (Аѳанасій по однимъ спискамъ, Златоустъ по другимъ.) Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ того, что у насъ было много и другихъ проповѣдниковъ, кромѣ извѣстныхъ,- служитъ то, въ высшей степени характерное въ исторіи нашей проповѣди, явленіе, что большая часть сохранившихся до нашего времени древне-русскихъ поученій принадлежитъ псевдонимнымъ и анонимнымъ проповѣдникамъ. Такъ какъ

---

[1]) Прибавл. къ Тв. Св. О. 1858 г.

[2]) Опис. Синод. библ. № 11. № 230, стр. 63.

[3]) Тамъ же № 230, стр. 67.

[4]) Опис. Синод. биб. № 230, 64 стр.

[5]) Опис. Синод. биб. № 230, 60 стр. Въ прологѣ (отъ 15 іюня) съ такимъ точно началомъ встрѣчается слово Златоуста, по видимому русскаго происхожденія, что доказывается какъ вульгарностію выраженій (супротивъ.. ратаги), такъ и незамысловатостію философіи... »Умъ въ человѣкѣ пребываетъ въ главномъ версѣ между мозгомъ и тюменемъ«... и т. д.

Digitized by Google

для нашей цѣли-выяснить практическій и народный элементъ въ древне-русской проповѣди имѣютъ значеніе самыя проповѣди, а не ихъ авторы, то мы и обращаемся непосредственно къ характеристикѣ анонимной и псевдонимной древне-русской проповѣди. Не останавливаемся мы на изысканіяхъ ученыхъ объ авторизаціи анонимныхъ проповѣдей и потому между прочимъ, что эти изысканія, сопровождаясь иногда горячей полемикой, большею частію не приводятъ ни къ какимъ положительнымъ выводамъ и, утверждая искомую истину только съ вѣроятностію, открываютъ тѣмъ широкое поле для сомнѣній и спора.

B.

АНОНИМНЫЯ ПРОПОВѢДИ.

I.

Разсматривая анонимныя проповѣди въ отношеніи ихъ народности, мы можемъ сказать, что самая ихъ анонимность служитъ доказательствомъ ихъ народности. Безвѣстность автора-не простая случайность. Въ этомъ скрываніи имени, какъ говоритъ Сухомлиновъ, открывается черта древне-русской образованности. Въ постоянномъ удерживаніи своего имени въ неизвѣстности видно убѣжденіе, своего рода начало, ставившее мысль, раскрытую въ произведеніи, несравненно выше личности автора. По крайней мѣрѣ такое пожертвованіе авторскимъ самолюбіемъ было бы неслыханнымъ явленіемъ въ обществѣ, руководимомъ другими началами [1]). Псевдонимность древне-русской проповѣди, выразившаяся въ приписываніи ея св. отцамъ, также открываетъ намъ характерную особенность воззрѣній древне-русскаго человѣка на книгу и поученіе. Русскій человѣкъ смо-

---

[1]) Изв. Ак. Н. т. IV, 1854 г. ст. М. И. Сухомлинова »О псевдонимахъ въ древней русской словесности«.

Digitized by Google

трѣлъ на книгу съ какимъ-то пугливымъ благоговѣніемъ. Зависѣло ли это оттого, что на первыхъ порахъ у насъ были книги только священныя и богослужебныя, такъ что народъ пріучился смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто церковное, священное; или представители языческой старины пріучили народъ смотрѣть на книгу, съ которой неизбѣжно всегда появлялись учители новой вѣры, какъ на что-то таинственное, талисманное[1]). Мы не будемъ входить въ подробныя объясненія факта, ограничиваясь однимъ указаніемъ на него. Если грамота была дана роду словенскому, какъ знаменіе милости Божіей [2]), то и книга, по народному представленію, должна была имѣть свое происхожденіе отъ Бога; а такъ какъ обитель Бога на небесахъ, то и книга должна была спасть къ намъ съ неба. Въ силу такой комбинаціи представленій сложился народный стихъ о голубиной книгѣ:

Восходила туча претемная,
Претемная и прегрозная;
Изъ-подъ той тучи темныя
Выпадала книга голубиная [3]).

Въ народномъ сознаніи долго жило такое поэтическое представленіе о происхожденіи книги и уже въ 16-мъ в. спрашивали у Максима Грека: »къ кому прежде сослана грамота съ небесе« [4])... Даже сами проповѣдники иногда проникаются этимъ народнымъ представленіемъ. Въ »словѣ ко всему міру на пользу слушающимъ« проповѣдникъ влагаетъ въ уста Господа такую рѣчь: »я послалъ вамъ эпистолію съ неба, и вы меня не послушали«. Въ прологѣ

---

[1]) Такое остроумное соображеніе дѣлаетъ авторъ статьи »О списаніи книгъ въ Россіи«. Прав. Соб. 1862 г. т. I, 157—158 стр. [2]) О письменахъ Черноризца Храбра. [3]) Сборникъ духов. стих. Варенцова II стр. [4]) Прав. Соб. 1860 г. 2 кн. 225 стр.

Digitized by Google

есть слова о Ефремѣ, »како бысть данъ свитокъ отъ Бога« [1]). »Епистолія и сказаніе о недѣлѣ« [2]) начинается разсказомъ о томъ, какъ въ святѣмъ градѣ Іерусалимѣ невидимо спалъ съ неба камень и какъ въ этомъ камнѣ, когда онъ, послѣ усердныхъ молитвъ патріарха, распался на двое, оказался свитокъ Богомъ писанный. -Естественно, что при такомъ воззрѣніи на книжное дѣло, и въ частности-на учительно-проповѣдническое, проповѣдь наша, чтобы имѣть авторитетъ въ глазахъ народа, должна была вести свое начало отъ лицъ, пользующихся большóю извѣстностію въ христіанскомъ мірѣ. И вотъ русская проповѣдь является съ именами св. апостоловъ и великихъ учителей Церкви, въ особенности Златоуста [3]). Желая быть убѣди-

[1]) Прологъ за мартъ 7 стр. [2]) Пам. стар. литер. 3 вып. стр. 150—153. [3]) Съ именемъ Златоуста, по замѣчанію Сухомлинова, появлялись и въ Греціи подложныя сочиненія. Поводомъ и, такъ сказать, законнымъ основаніемъ подложности служило то обстоятельство, что вдохновенная рѣчь Златоуста была большею частію импровизованная и слушатели, желая увѣковѣчить проповѣдь Златоуста, записывали ее по памяти; при чемъ естественно было прибавлять и восполнять нѣчто и отъ собственнаго смышленія, а отсюда уже не далеко и до подлога. Къ числу такихъ подложныхъ, псевдо-Златоустовыхъ словъ относится слово о злыхъ женахъ (напеч. въ ст. Сухомлинова о псевдонимахъ 125—130 стр.). Это слово расплодило цѣлую отрасль словъ о злыхъ женахъ. Такъ какъ эти слова не имѣли отношенія къ русскому быту и стояли, напротивъ, въ прямомъ противорѣчіи съ патріархальными основами русск. жизни, то они и не могли имѣть у насъ никакого внутрен. развитія, и повторялись только какъ заученыя фразы; не имѣя за собою бытовыхъ основъ, эти слова не оказывали никакого вліянія на жизнь, такъ что съ этой точки зрѣнія представляется болѣе чѣмъ преувеличеннымъ мнѣніе Буслаева о грубомъ изуродованіи христіан. книжниками женщинъ идеальныхъ типовъ, созданныхъ народной фантазіей (Русск. Вѣст.

Digitized by Google

тельными и показать священную важность истинъ, возвѣщаемыхъ проповѣдью, наши проповѣдники становятся иногда крайне наивными, съ своими благочестиво-поэтическими представленіями о небесномъ, божественномъ происхожденіи возвѣщаемыхъ ими истинъ. Поучая о цѣломудріи и супружеской вѣрности, проповѣдникъ не только приводитъ свидѣтельство изъ ученія ап. Павла, но и рисуетъ живую картину того, какъ училъ апостолъ: »вхожаше св. апостолъ въ домъ вѣрныхъ и сѣдъ на одрѣ учаше мужи и жены глаголя. Не минайте себѣ свѣщанія... сиже словеса не суть моя но Златоустаго Іоанна. Паче же апостоль-

---

1842 г. ст. О богатырскомъ эпосѣ). Замѣчательно, что народъ въ своихъ пѣсняхъ и думахъ не отозвался на слова о злыхъ женахъ и онѣ въ нашей литературѣ стоятъ одиноко и могутъ быть поставлены въ параллель только съ тѣми безобразными апокрифич. повѣстями, гдѣ цинизмъ и наругательство надъ человѣческими чувствами преступили границы терпимости и даже въ грубомъ русскомъ человѣкѣ древней эпохи могли бы возбудить отвращеніе, каковы, напр., апокриф. сказ. о Соломонѣ (изд. въ Лѣт. рус. лит. Тихонрав. т. 4, стр. 113—153 и Пам. стар. рус. лит. вып. 3). Что касается представителей и учителей нашей церкви, то они также не могли сочувственно относиться къ словамъ о злыхъ женахъ, потому что эти слова противорѣчили главной заботѣ Церкви устройству семьи, которая служитъ краеугольнымъ камнемъ общественнаго устройства. Умалчивая о многихъ фактахъ, сюда относящихся, укажемъ только на одинъ, болѣе рельефный. Весь уставъ Ярослава, за исключеніемъ не многихъ статей (о крадобѣ), состоитъ исключительно изъ предписаній касательно правильнаго устройства семьи и устраненія безпорядочности въ сношеніяхъ между мужескимъ и женскимъ поломъ. Могли ли въ виду этой заботливости Церкви наши проповѣдники грязнить женщину тѣми позорными изображеніями, какія могла создать только развращенная восточная фантазія?

Digitized by Google

ска« [1])-оговаривается далѣе проповѣдникъ, разрушая тѣмъ очарованіе своей поэтической картины. Мы не имѣемъ никакихъ основаній и поводовъ предполагать, что въ названіи своихъ поученій апостольскими и отеческими высказалась хитрость или злонамѣренное желаніе придать посредствомъ подлога большее значеніе своему произведенію и прославить себя. Напротивъ, надписывая свое имя чужимъ, хотя бы и священнымъ, именемъ, проповѣдникъ уже лишался даже возможности имѣть какіе либо себялюбивые разсчеты, такъ какъ произведеніе ему принадлежащее съ надписаніемъ псевдонима становилось ученіемъ отъ божественныхъ книгъ вообще, не считаясь болѣе принадлежностью какого либо учителя,-пастыря въ отдѣльности. Что же означаютъ надписанія священныхъ именъ на проповѣдяхъ чисто русскаго происхожденія, чѣмъ вызваны эти надписанія?-Въ смиренномъ сознаніи своей духовной немощи и божественной высоты христіанскаго ученія наши древніе проповѣдники ставили себѣ священнымъ долгомъ вѣровать и учить такъ, какъ учили и вѣровали св. апостолы и отцы Церкви. Но это ученіе въ своемъ чистомъ видѣ не всегда могло быть ясно и назидательно для русскихъ людей, не всегда могло имѣть прямое приложеніе къ русской жизни. И вотъ для того, чтобы апостольское и святоотеческое ученіе сдѣлать яснымъ и вразумительнымъ для пониманія, сдѣлать христіанское ученіе руководительнымъ началомъ жизни, наши проповѣдники измѣняли, сокращали, поясняли своими примѣрами греческій текстъ какой нибудь проповѣди. Такимъ образомъ мысль, извлеченная изъ апостола, евангелія, изъ отеческихъ твореній, у нашихъ проповѣдниковъ являлась въ такомъ видѣ, что не имѣла уже почти ничего общаго съ оригиналомъ, окра-

[1]) Поученіе »како жити христіаномъ«. Прав. Соб. 1859 г. кн.I, стр. 138.

Digitized by Google

шивалась въ цвѣтъ русской мысли и фантазіи, приноѣнялась къ потребностямъ русскаго быта. Но проповѣдники, при всѣхъ видимыхъ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ ими въ отеческой проповѣди, оставались въ полной увѣренности, что мысль поученія и въ оригиналѣ, и въ русской передѣлкѣ одна и таже; а потому и считали свои поученія не себѣ принадлежащими, а тѣмъ св. отцамъ, которые послужили для нихъ руководствомъ, которое ихъ собственной слабой и грѣшной мысли дало благодатное освященіе. Такимъ образомъ надписаніемъ священныхъ именъ на своихъ поученіяхъ наши древніе учители хотѣли не возвысить свои произведенія злонамѣреннымъ подлогомъ, а высказать, что они учатъ такъ, какъ учили св. отцы, что ихъ мысль-не своя мысль, а заимствованная у того или другаго учителя Церкви. Конечно желаніе быть единомысленнымъ съ ученіемъ отцевъ Церкви не служило еще рѣшительнымъ ручательствомъ за то, что такое единомысліе было и на самомъ дѣлѣ. Но для насъ важно въ этомъ случаѣ то, что учители древне-русскіе, относясь съ благоговѣйнымъ почтеніемъ къ мысли ученія св. отцовъ, не переносили это почтеніе и на букву, не соединяли и съ ней представленія о чемъ-то высокомъ и священномъ, какъ это было въ западной церкви. Такое свободное отношеніе къ буквѣ замѣтно даже и въ переводныхъ сочиненіяхъ, такъ какъ, »прелагая божественныя писанія отъ многопремудраго и художнаго, зѣлоскупаго еллинскаго языка«, наши книжники не дорожили греческой буквой, въ увѣренности, что и »словенскій языкъ отъ Бога добрѣ сотворенъ бысть, понеже вся елика сотвори Богъ зѣло добра« [1]). Переводили не все къ ряду, а съ пропусками, и выбирали, конечно, то, что считали болѣе важнымъ, болѣе вразумительнымъ и приложимымъ

[1]) Изъ предисл. къ перев. Діонисія Ареопагита, описс. Рум. Муз. 161-я стр.

Digitized by Google

къ русской жизни. »Я же согласно моему разуму, къ благоугожденію Божію и къ пользѣ души, списую себѣ и тѣми поучаюсь, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю«, разсказываетъ преподобный Нилъ Сорскій о своихъ книгописательскихъ занятіяхъ на Аѳонской горѣ [1]). Итакъ, можемъ сказать мы на основаніи этого признанія преподобнаго Нила Сорскаго,-наши книгописцы выписывали изъ греческихъ книгъ только то, что было согласно съ ихъ разумомъ, что они понимали и чему сочувствовали. Но мысль греческихъ учителей, возникшая на чужой почвѣ, при другихъ условіяхъ жизни, не могла удовлетворять всѣмъ потребностямъ русской жизни, не могла получить у русскихъ людей преобладающаго, а тѣмъ болѣе какого нибудь исключительнаго значенія. Потому, переписывая греческія поученія, наши списатели вносили на ряду съ греческимъ текстомъ и мысли собственнаго творчества. Сначала эти списки появлялись въ видѣ замѣтокъ на сторонахъ, а потомъ вносились дальнѣйшими переписчиками и въ самый текстъ. Эта система интерполяціи, составляющая характерную принадлежность нашей древней письменности, имѣла особенно сильное приложеніе къ церковной проповѣди, которая болѣе, чѣмъ всякое другое словесное произведеніе, должна была видоизмѣняться соотвѣтственно новымъ потребностямъ той среды, гдѣ она распространялась. Вотъ почему и въ тѣхъ поученіяхъ, которыя, повидимому, соотвѣтствуютъ своему надписанію и по строю мыслей могутъ считаться принадлежащими греческимъ проповѣдникамъ, мы встрѣчаемъ очень много »худоумныхъ приписокъ«, свидѣтельствующихъ о томъ, что и эти поученія видоизмѣнялись, примѣнительно къ пониманію и вкусу русскихъ читателей. Напр., какъ замѣчаетъ о. Горскій, въ словахъ, повидимому греческаго происхожденія, между свято-отеческими разсу-

[1]) Прав. Соб. 1859 г. XII кн.

Digitized by Google

жденіями встрѣчаются такія изреченія народной мудрости: »некрасенъ позоръ, лисица въ куратехъ, тогоже настроенія учитель не подобенъ«, »а лиха человѣка учити, ани въ утлу тыкву воду лити«, »хмѣль виниде высоко и доиде верха і долу сниде, тако и пьяный умомъ, вознесеся высоко и до ада сниде идеже сатана привязанъ«.... Едва ли нужно замѣчать, что приведенныя нами изреченія не имѣютъ ничего общаго съ тѣми отеческими поученіями, въ которыхъ они встрѣчаются [1]). Видоизмѣняясь подъ новыми вліяніями, греческая свято-отеческая проповѣдь, хотя и удерживала свою основную мысль, утрачивала всѣ тѣ характеристическія особенности, по которымъ бы можно было отличить ее отъ проповѣди русскаго происхожденія, -она становилась до извѣстной степени русской, народной проповѣдью. Такова въ общихъ чертахъ судьба переводной византійской проповѣди въ нашемъ отечествѣ въ эпоху византійскаго вліянія.

II.

Переводная проповѣдь также, какъ проповѣдь Кирилла Туровскаго, Фотія и друг. проповѣдниковъ византійскаго направленія, подверглась сильному вліянію новой обстановки и до извѣстной степени сдѣлалась русской народной проповѣдью. Но наши древніе проповѣдники не имѣли нужды въ своей проповѣди слѣдовать съ большею точностію тому или другому образцу, и мы впали бы въ большую ошибку, если бы приняли надписаніе проповѣди именемъ какого либо св. отца за доказательство того, что эта проповѣдь переводная и принадлежитъ, какъ автору, тому св. отцу, именемъ котораго она надписана. Какъ мы замѣтили уже, подобныя надписанія выражаютъ только благочестивое желаніе проповѣдника учить, какъ св. отцы учили, и вмѣстѣ

[1]) Опис. Синод. библ. II 3. № 314. 560—561 стр.

Digitized by Google

смиренное сознаніе его въ томъ, что онъ не отъ себя учитъ, не своею мудростію назидаетъ, а благодатною мудростію св. отцевъ. Между тѣмъ, въ этихъ поученіяхъ высказывается иногда простая житейская мудрость, созданная бытовыми условіями русскаго человѣка и представляющая слабые опыты его практической философіи. Таково, напр. »поученіе отъ святыхъ книгъ о чадѣхъ«, почти буквально сходное съ поученіемъ, какое въ народной повѣсти даетъ Акиръ премудрый своему воспитаннику [1])... »Странно было бы въ наше время, замѣчаетъ Сухомлиновъ по поводу поученія »о чадѣхъ«, обыкновеннымъ правиламъ общежитія придавать священное значеніе и въ упражненіи доморощенныхъ моралистовъ видѣть трудъ великихъ учителей Церкви; но это не было страннымъ въ тотъ періодъ народнаго развитія, когда религіозное начало преобладало во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности, въ домашнемъ быту, въ общественныхъ отношеніяхъ, когда правила общежитія не казались чѣмъ либо отдѣльнымъ отъ предписаній религіи: все, что истинно, благородно, или только благоразумно, считалось какъ бы священнымъ, и къ соблюденію того побуждало религіозное чувство« [2]). Между древне-русскими поученіями встрѣчаются даже такія, на которыхъ, повидимому, нисколько не отразилось вліяніе не только свято-оте-

[1]) Приведемъ для примѣра нѣсколько наставленій изъ поученія отъ св. книгъ о чадѣхъ: »Чадо, отца своего почти да стяжаніе тебѣ оставитъ... Сыну, въ нощь безъ оружія не ходи, кто вѣсть, кто тя срящетъ. Сыну, аще мудръ еси, егда пьянъ не глаголи много, уменъ ся наречеши... Чадо, въ судьинъ дворъ не ходи«... и проч. См. оп. Восток. 31—32. 510 стр. Въ статьѣ Сухомлинова »О псевдонимахъ« издано въ полномъ составѣ все поученіе о чадѣхъ (151—153 стр.). Повѣсть о премудромъ Акирѣ изд. (съ варіантами) въ Памятн. стар. русс. литер. вып. II, 359. 370 стр. [2]) Изв. Ак. н. 1854 г. IV, 155.

Digitized by Google

ческой письменности, но даже и самой Библіи. Таково »поученіе св. отецъ къ лѣнивымъ и не хотящимъ дѣлати«. Это поученіе такъ коротко, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ характерно, что мы приводимъ его почти въ полномъ его составѣ, съ небольшими сокращеніями. »Друзья и братья моя любимая! не уподобляйтеся лѣнивымъ рабамъ, -не долго спите, не долго ложите, вставайте рано, ложитеся поздо, молитеся Богу, да не внидете въ напасть, яко же рече Господь. Лежа добра не видати, а горя не избыти, и спасеніе не получити, Бога не умолити и грѣховъ не очистити, чести и славы не получити, цвѣтныхъ ризъ не нашивати, медвенаго питія не пивати и сладкаго брашна не ядати. Безумному и лѣнивому и невостанливому добрымъ мужемъ не слывати, и господиномъ въ дому не бывати, и во власти себѣ не видати, къ Богу и ко князю и государю милымъ не бывати. А еще бѣда его по голенямъ біетъ, а долгъ его въ зашеекъ толкаетъ; недостатки его въ дому сѣдятъ, а раны ему по плечамъ лежатъ; уныніе его на главѣ, а посѣхъ на брадѣ; помыслъ на устѣхъ, оскомина на зубѣхъ, горесть на языкѣ, печаль въ гортани, въ печеняхъ его сухота, а во чревѣ алкота, убожество у него въ калитѣ и гнѣздо свило. Таковый человѣкъ лѣнивый и лежливый въ дому не господинъ, женѣ не мужъ и дѣтямъ не отецъ, и добрыми людьми не знаемъ; въ деревнѣ жити лѣнится, а на посадѣ не годится; въ село его не пустятъ, а во градѣ и мѣста нѣсть. Таковый ходя по улицѣ, скитаяся и аки несытый песъ по окнамъ глядитъ, и аки оскорблая свинія о углы чешется, потому что привязалася къ нему лѣность, аки вещеръ за плечами; а нищета у него въ пазухѣ и гнѣздо свила, а скорбь у него по бедрамъ виситъ, а тоска и ноги связала. О лютѣ! привязалася къ нему лѣность, какъ милая жена къ мужу своему, и часто воздыхаетъ, а разстатися не хощетъ! И навыкнетъ, окаянный, чужими трудами корми-

Digitized by Google

тися, аки червь капусту ясти. И отъ многаго уныния спитъ безъ числа, и бѣси ему во снѣ сонія кажутъ и видѣнія являютъ; и, убудився отъ сна, разрѣшаетъ мечтанія и умышляетъ горшую погибель, и потомъ вѣчную муку наслѣдитъ, отъ нея же да избавитъ насъ Господь Богъ« [1]). Присамомъ внимательномъ изслѣдованіи этого поученія »отъ святыхъ отецъ« едва ли можно будетъ открыть въ немъ какіе либо слѣды вліянія свято-отеческой письменности. Напротивъ, здѣсь весьма явственно сказывается и мудрость народныхъ пословицъ, и народный юморъ. Со всею вѣроятностію можно предполагать, что живая устная проповѣдь отличалась именно тѣми чертами народной мудрости и народнаго юмора, какія такъ выразительно сказываются »въ поученіи къ лѣнивымъ«, но при переходѣ въ письменную-эти черты сглаживались, какъ нѣчто не мирящееся съ важностію книжной рѣчи. Мы представимъ еще два отрывка изъ древне-русскихъ проповѣдей, въ которыхъ также, по нашему мнѣнію, сохранился тонъ и складъ живой рѣчи, со всей ея наивной непосредственностію. Проповѣдникъ желаетъ указать на одно странное явленіе, подмѣченное имъ въ жизни поучаемыхъ,-это то, что они болѣе заботятся о своихъ домашнихъ животныхъ и стараются дать имъ надлежащую выправку, чѣмъ о своей собственной душѣ, о которой они нисколько не рядятъ, не печалятся. И вотъ въ какихъ картинныхъ, а отчасти и наивныхъ, подробностяхъ онъ выясняетъ свою мысль: »Суть же иніи человѣцы, иже птицы на руки взимаютъ точію да ся ими глумятъ, и о тѣхъ же много имутъ строенія, а о души ни малая радяща. Елико же друзіи о псѣхъ печалятъ, и до сыта бо имъ ясти не даютъ, дабы на заяцъ быстри были. Точію убо скотъ строятъ, а о души своей ни мало радяща. Цси же толь хитри

---

[1]) Прав. Соб. 1861 г. Декаб. 473—475.

Digitized by Google

изъученіи: голоденъ, а въ устѣхъ держа заецъ не ясть... О братіе постыдитеся сами себе; и будите толь крѣпцы и не имате бо извѣта предъ Богомъ; яко и скотъ, и птица наказаете, а сами почто не наказаетеся на разумъ Божій... не зазрите ми братіе понеже о псѣхъ вы притчу сказахъ« [1])... Въ анонимномъ поученіи »о уставѣ житія человѣческаго«-поученіи не замысловатомъ, безхитростномъ,-проповѣдникъ, подкрѣпляя высказываемыя имъ правила христіанской нравственности собственными остроумными соображеніями, поучаетъ между прочимъ о томъ, что никого не слѣдуетъ презирать, и для выясненія своей мысли обращается къ такому сравненію: »видѣсте ли коль малъ паукъ пропиная паутину и ловитъ отъ худаго того ловитвы. Такоже и мы отъ тѣхъ немощныхъ и безродныхъ и худыхъ и убогихъ ловитвы, обиліе Божіе пріемлемъ-Богу всякъ человѣкъ надобенъ богатъ и убогъ... да отнюдь не зазрите ни комуже«... Вообще въ древней проповѣди очень много встрѣчается сравненій изъ бытовой жизни. Мысль, не привыкшая къ отвлеченію, выражается въ образахъ, сравненіяхъ, и чѣмъ ближе эти образцы и сравненія къ жизни, чѣмъ знакомѣе они, тѣмъ съ большею отчетливостію уясняется и самая мысль. Для нашего проповѣдника трудно было бы объяснить, а еще труднѣе было бы понять его »грубымъ умамъ« слушателей, какимъ образомъ одинъ грѣхъ, въ которомъ человѣкъ не раскаялся, можетъ погубить его душу. Но вмѣсто длинныхъ объясненій, гдѣ бы современный проповѣдникъ счелъ не лишнимъ психологическій анализъ и коснулся бы основныхъ вопросовъ морали, нашъ древне-русскій проповѣдникъ говорилъ очень просто, коротко и для своего времени, своихъ слушателей вполнѣ вразумительно: »аще бо человѣкъ каяйся грѣхъ своихъ помня«, поучаетъ

[1]) Опис. Синод. библ. 56 стр.

Digitized by Google

неизвѣстный авторъ слова »како жити христіаномъ«, аще единъ утаитъ малу творя вину, и за тотъ будетъ осуженъ. Яко бо птица въ силѣ увязнетъ. аще ни за главу ни за ногу, а за одинъ ноготь. даже ея трепетавше и умретъ: тако и той человѣкъ иже единъ сице утаитъ грѣхъ. тотъ ему тяжши всѣхъ будетъ«. Очень знакомый каждому изъ поучаемыхъ образъ птицы, попавшейся въ силокъ и безплодно старающейся вырваться и спастись отъ неволи, хотя она увязла »не за голову, не за ногу, а за одинъ ноготь«, вполнѣ наглядно и убѣдительно выяснялъ, какимъ образомъ человѣкъ, не покаявшійся въ одномъ только грѣхѣ можетъ погубить свою душу. Вообще проповѣдникъ древне-русскій ставилъ своей задачей говорить просто и ясно, и каждый изъ нихъ до извѣстной степени имѣлъ право обратиться къ слушателямъ съ такимъ приступомъ, какой мы читаемъ въ одномъ анонимномъ поученіи. Вотъ этотъ приступъ: »Придите братія и сестри, малые и большіе, придите попы и учители правой вѣры! Придите и послушайте не пустошныхъ басенъ, но правой вѣры ученія. То на вредъ душѣ, а это на спасеніе и на погибель бѣсамъ, и на прогнаніе бѣсамъ. Начну же говорить не завито, ни покровенно, чтобы всякъ разумѣлъ« [1]).

Для человѣка, на первыхъ степеняхъ его умственнаго развитія, вся природа представляется живымъ и чуствующимъ существомъ. Собственныя чувства и состоянія первобытный человѣкъ переноситъ и на бездушную природу, въ ней ищетъ сочуственнаго отзыва на свои скорби и радости. Вѣтеръ и лѣсъ, огонь, рѣка, солнце, звѣзды.... всѣ предметы видимой природы-это живыя существа; они знаютъ, что дѣлается съ людьми, какая судьба ихъ ждетъ впереди, и такъ или иначе выражаютъ имъ свое сочувствіе. И доселѣ въ народѣ суще-

[1]). Изъ золот. цѣп., л. 38.

Digitized by Google

ствуетъ много повѣрій, основывающихся на этомъ давнемъ и теперь уже болѣе или менѣе забытомъ родствѣ съ природой[1]). Христіанская вѣра, строго разграничивая область духа и матеріи, не могла мириться съ такимъ оживотвореніемъ бездушной матеріи, составлявшимъ основу языческаго культа. Но обличая вытекающія изъ оживотворенія природы языческія представленія, наша проповѣдь иногда пользовалась народными представленіями и также переносила на природу свойства существъ одушевленныхъ, разумныхъ, и ставила природу, покорную велѣніямъ Господа и съ неизмѣнною правильностію исполняющую все предназначенное ей, въ назиданіе людямъ, уклоняющимся по своей злой волѣ отъ святыхъ велѣній Господа. Показавши неизмѣнное, правильное теченіе всего совершающагося въ природѣ, одинъ анонимный проповѣдникъ замѣчаетъ: »все, братіе, боится Бога и трепещетъ повелѣній Его. Только мы, люди, все преступаемъ повелѣнія Его, заповѣдей Его не храним, отцевъ своихъ не слушаемъ, по злому своему уму, по первому проклятію и непокорливому безумію[2]«). »Въ словѣ отъ видѣній Апостола Павла« [3]) говорится, между прочимъ, что солнце, мѣсяцъ и звѣзды, море и рѣки, и земля вопіютъ

[1]) Поднимается сильный вѣтеръ, волнуется рѣка,—это означаетъ, что утопленникъ случился. Вотъ звѣзда скатилась по небосклону и погасла,—это душа человѣческая вышла изъ тѣла. Воетъ собака, каркаетъ воронъ,—недобрые знаки, скорая смерть ждетъ кого нибудь и т. д. Едва ли и можно пересчитать всѣ подобныя суевѣрія, потому что они вытекали изъ основнаго міровоззрѣнія на природу и, какъ приложеніе случая къ общему правилу, могутъ быть безконечными.

[2]) Слово о постѣ. Изд. Прав. Собес. 1858 г. I. 138-168. стр.

[3]) Напечат. въ Прав. Соб. Августъ 1858 г. 602—604 стр. и въ Памятн. стр. русск. литер. изд. Пыпинымъ и Костомаровымъ, вып. 3. 133—134 стр.

Digitized by Google

къ Богу о неправдахъ человѣческихъ и испрашиваютъ у Него дозволенія наказать людей; но милосердый Богъ, въ ожиданіи покаянія грѣшныхъ людей, медлитъ своимъ праведнымъ судомъ. Это представленіе о стихіяхъ, вопіющихъ къ Богу противъ неправдъ человѣческихъ, до такой степени привилось къ народному сознанію, что дало собою тему для народнаго стиха, въ которомъ земля также представляется жалующейся Господу на людскія беззаконія. »Тяжелъ мнѣ, Господи, вольный свѣтъ, тяжеле много грѣшниковъ, болѣ беззаконниковъ«. Господь отвѣчаетъ въ духѣ того же благосердія, какъ это представляется въ видѣніи апостола Павла: » потерпи же ты сыра земля, потерпи же ты нѣсколько времечка, не придутъ ли рабы грѣшные къ самому Богу съ покаяніемъ«... [1]). Въ народномъ сознаніи древнія, язычествомъ воспитанныя, понятія о матери-землѣ, какъ о чемъ-то священномъ, божественномъ, не утратились, а только видоизмѣнились. Она представлялась святынею уже въ христіанскомъ смыслѣ, какъ безгрѣшная и нетерпящая грѣховъ людскихъ, грѣховъ-опять уже въ христіанскомъ смыслѣ, т. е. именно тѣхъ грѣховъ, какіе указывались и обличались въ жизни проводниками въ нашу жизнь новыхъ христіанскихъ началъ и, между прочимъ, церковными проповѣдниками. Не удивительно, что простой человѣкъ, совершивши грѣшное, по его сознанію, дѣло, прежде всего могъ почувствовать, что онъ оскорбляетъ тѣмъ мать свою, сыру землю, которая сама по себѣ безгрѣшна, а постоянно подавляется тяжкими грѣхами человѣческими; не удивительно, что предъ этой святыней своей захочетъ онъ излить свои покаянныя чувства. Припомнимъ здѣсь ученіе стригольниковъ о томъ, что вмѣсто священниковъ

---

[1]) Собраніе духовныхъ стиховъ, Кирѣевскаго, XXX ст.

Digitized by Google

можно исповѣдываться землѣ [1]). Эта мысль отступниковъ православія родилась, кажется намъ, на народной почвѣ. Въ сборникѣ русскихъ духовныхъ стиховъ Варенцова приводится одинъ стихъ,-это стихъ на тему: »каного тяжкаго грѣха земля не можетъ простить«. Мы приводимъ этотъ стихъ, потому что въ немъ высказывается очень ясно та мягкость, снисходительность морали, какая составляетъ характерную особенность нашей древней народной проповѣди.

Ужъ какъ каелсе молодецъ сырой землѣ:
Ты покай, покай, матушка сыра земля!
Есь на души три тяжки грѣха,
Да три тяжкіе грѣха, три великіе:
Какъ первый на души великъ-тяжекъ грѣхъ-
Я бранилъ отца съ родной матерью;
А другой на души великъ-тяжекъ грѣхъ-
Ужъ я жилъ съ кумой хрестовою,
Ужъ мы прижили младого отрока;
А третій то на души великъ-тяжекъ грѣхъ-
Я убилъ въ поли брателка хрестоваго,
Погубилъ ишо чѣлованьице хрестное.

Не считаемъ нужнымъ объяснять, сколь тяжкимъ, по суду русскихъ людей, должно было казаться первое прегрѣшеніе-оскорбленіе отца съ матерію. Но замѣчательно, что два послѣдніе грѣха, въ которыхъ каялся молодецъ сырой землѣ, были грѣхами противъ новой христіанской вѣры. Замѣчательно и то, что народъ, если онъ былъ творцомъ духовнаго стиха, умѣетъ разграничивать въ уставахъ новой вѣры существенное отъ второстепеннаго. Вотъ какую рѣчь ведетъ онъ отъ лица земли:

Какъ спроговоритъ матушка сыра земля:
Во первомъ грѣху тебя Богъ проститъ,
Хошъ бранилъ отца съ родной матерью,

[1]) Истор. акты т. 1.

Digitized by Google

Втогды глупой былъ, да неразумной слылъ;
И во другомъ-то грѣху тебя Богъ проститъ,
Хоша жилъ съ кумой со хрестовою,
Хоша прижили младого отрока,—
Втогды холостъ жилъ, да нежонатой слылъ;
А во третьемъ-то грѣху не могу простить,
Какъ убилъ въ поли брателку хрістоваго,
Погубилъ чѣлованьице хрестное [1])!

Солнце было когда-то высшимъ божествомъ для нашихъ язычествующихъ предковъ: народъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на своего благодѣтеля, который прогонялъ страшную, пугающую тьму, уничтожалъ своими теплыми, животворными лучами мертвящую стужу нашей длинной, морозной зимы, и приносилъ откуда-то теплые лѣтніе дни, водворяя всюду радость и жизнь. Это благоговѣйное отношеніе къ благодѣтелю солнцу вытекало прежде всего изъ ощущеній чисто физическаго свойства. Но, кромѣ физической стороны, въ человѣкѣ есть другая духовная, нравственная. Въ раннюю эпоху народной жизни преобладающее значеніе имѣетъ первая, т. е. физическая сторона, а духовная, нравственная еще какъ бы спитъ. Христіанство было возбудителемъ духовныхъ силъ русскаго народа и указало для него другое солнце, другой свѣтъ не вещественный, а духовный,-свѣтъ прогоняющій не ту тьму, которая внѣ человѣка, а которая въ немъ самомъ, тьму невѣденія и не вѣрія,-пробуждающій къ жизни не окружающую природу, а самую душу человѣка, проливая въ нее животворные лучи всеоживляющей, всесозидающей любви. Но съ перемѣною вѣрованій не могло совершенно изгладиться въ народномъ сознаніи представленіе о солнцѣ, какъ о началѣ живомъ и благотворномъ. Намъ кажет-

[1]) Сборн. Варенц. 161 стр.

Digitized by Google

ся, что отголосокъ старинныхъ языческихъ понятій о солнцѣ отражается въ томъ, часто встрѣчающемся въ нашихъ древнихъ проповѣдяхъ, сказаніи, что солнце не заходитъ въ теченіе всей свѣтлой недѣли, и тѣмъ какъ бы высказываетъ свое сочувствіе народному торжеству и вмѣстѣ съ людьми радуется великому событію Христова воскресенія!

Всѣ высказанныя нами замѣчанія о характерныхъ особенностяхъ анонимной проповѣди, доказывающихъ ея народность, касаются болѣе внѣшней стороны-языка и образности выраженій. Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какова была эта проповѣдь въ своемъ внутреннемъ содержаніи, какихъ сторонъ русскаго быта касалась она. Первый и существенный вопросъ русскаго человѣка, принявшаго новую вѣру и желавшаго жить по уставамъ новой вѣры,-это вопросъ о томъ, »како жити христіаномъ«? Всѣ древне-русскія проповѣди служатъ прямымъ отвѣтомъ на этотъ одинъ, общій вопросъ. Все различіе между ними состоитъ въ томъ, что однѣ изъ нихъ, какъ напр. »слово св. отецъ како жити крестьяномъ«, »поученіе ко всѣмъ христіаномъ«, и нѣкотор. друг.,-носятъ на себѣ характеръ энциклопедичности и касаются по возможности всѣхъ вопросовъ, какіе ставились жизнію нашей древней проповѣди, такъ что могли быть домостроями своего времени; тогда какъ другія-были менѣе энциклопедичны и ограничивались не многими вопросами, кругъ которыхъ, впрочемъ, весьма не широкъ. Такъ какъ всѣ древнне-русскія проповѣди, говоря вообще, были слишкомъ похожи одна на другую по своему содержанію и повторялись не только въ мысляхъ, но даже нерѣдко и въ самыхъ выраженіяхъ,-то мы считаемъ излишнимъ подробный анализъ содержанія древне-русской анонимной проповѣди, тѣмъ болѣе, что основные, средоточные пункты нашей древней, какъ анонимной, такъ и авторизованной проповѣди были одни и

Digitized by Google

тѣже, такъ что сказанное уже нами о содержаніи проповѣдей, принадлежащихъ извѣстнымъ нашимъ проповѣдникамъ, можетъ быть до нѣкоторой степени приложено и къ анонимной проповѣди. Нѣкоторою особенностію анонимной проповѣди можно поставить то, что здѣсь болѣе настойчивымъ образомъ обличается двоевѣрство, смущавшее русскихъ христолюбцевъ, ревнителей правой вѣры. Судя по тому, что въ двоевѣрствѣ обличаются не только невѣгласы, невѣжи, но и вѣжи, т. е. люди передовые, болѣе другихъ знающіе и служившіе для другихъ образцомъ, нужно думать, что эта проповѣдь древняго происхожденія, той древней эпохи, когда язычество еще не сдѣлалось преданіемъ старины, а было живою основою жизни [1]). Полною примѣнимостію къ потребностямъ времени и характеру слушателей отмѣчены древнія слова, объясняющія происхожденіе и значеніе христіанскихъ праздниковъ [2]), убѣжденія ходить въ церковь-это главное училище новой вѣры, чаще совершать молитву, которая могла служить самымъ обычнымъ и болѣе или менѣе сознательнымъ выраженіемъ и

[1]) Проповѣди противъ двоевѣрства изд. въ Лѣтоп. рус. литер. Тихонравова (47), но отрывки такого же обличительнаго характера встрѣчаются во многихъ древне-русскихъ поученіяхъ и особенно въ словѣ о христіанствѣ (Журн. Мин. Нар. Прав. 1854 г.), и въ словѣ о постѣ (Прав. Собес. 1858 г.). Не мало обличеній остатковъ язычества въ памятн. изд. въ Прав. Соб. за 1861 г. подъ названіемъ »Заповѣди всякія«. Главнымъ же образомъ обличит. литер. противъ остатковъ язычества находится доселѣ въ рукописяхъ.

[2]) Эти слова собственно на великіе двунадесятые праздники напечатаны въ Прологѣ подъ соотвѣтствующими праздникамъ числами. Преосвящ. Макарій нѣкотор. изъ этихъ словъ въ современномъ русскомъ изложеніи по рукописнымъ памятникамъ издалъ въ своей исторіи, поставляя ихъ въ образецъ простоты и ясности (3 т. 211—215 стр.).

Digitized by Google

вмѣстѣ укрѣпленіемъ новой вѣры. Показывая важность и святость молитвы, какъ домашней, такъ и общественной-церковной, наша древняя проповѣдь настойчиво проводитъ ту мысль, нѣсколько поэтическую, хотя и не противорѣчащую догматическому ученію, что въ этомъ дѣлѣ святомъ принимаютъ самое живое и непосредственное участіе наши ангелы-хранители. Самая мысль молиться внушается ангеломъ Божіимъ. »Если въ нощи придетъ тебѣ мысль, возстани и помолись Богу. Разумѣй, яко святый ангелъ приста тебѣ, и той ѣсть глаголяй тебѣ« [1]). Не послушаетъ человѣкъ этого ангельскаго внушенія-ангелъ дѣлается печаленъ, и, являясь предъ лице Божіе, съ плачемъ повѣдаетъ грѣхъ того человѣка [2]). Но зато съ какимъ участіемъ и радостію относятся ангелы Божіи къ тѣмъ, кто усерденъ къ молитвѣ и часто посѣщаетъ храмъ Божій: »елико бо церкви обыйдетъ человѣкъ въ нощи или во дни, то и стопы ногу его чтомы суть отъ святыхъ ангелъ« [3]). Понъ Аммоній видѣлъ ангела, который стоялъ одесную алтаря и записывалъ входящихъ въ церковь, заглаждая выходящихъ по лѣности. Ангелы Божіи наблюдаютъ и за тѣмъ, какъ люди стоятъ въ церкви, и радуются, если видятъ истовую молитву: »мнози убо невѣгласи, поучаетъ русскій златоустъ, махающе по лицу своему рукою, творяще крестятся, всую труждаются занеже не исправляютъ истово креста на лицѣ своемъ, тому бо маханію бѣси радуются. А еже кто крестится истово, покладая руку свою на челѣ и на животѣ, и на правомъ рамѣ, и потомъ на лѣвомъ, то ангели зряще веселятся, истиннаго креста воображаема на лицахъ ихъ. И ангелъ Господень напишетъ тогда входя-

---

[1]) Прол. за 5 апрѣля. [2]) Слово отъ видѣнія Павла Апостола. Прав. Соб. 1858 г. августъ. [3]) Слово о недѣли Іакова, брата Господня, еписк. Іерусалим. Прав. Соб. 1859 г. 4 кн.

Digitized by Google

щія въ церковь Господню со страхомъ и вѣрою«. За этими поэтически образными, религіозными представленіями объ ангельскомъ соучастіи и содѣйствіи въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ уставомъ новой, христіанской вѣры, сказалось, намъ кажется, сознаніе собственной религіозной немощи и безсилія,-и нужда въ помощи существъ болѣе сильныхъ и крѣпкихъ вѣрою-ангеловъ.

Наши древніе проповѣдники ясно понимали, какъ слаба была вѣра ихъ слушателей, и какъ мало способны они были къ религіозному подвижничеству. (Мы говоримъ, конечно, о массѣ, не разумѣя многихъ исключеній). Потому-то въ нашей древней проповѣди мы не замѣчаемъ никакого ригоризма, а напротивъ отличательной чертой этой проповѣди служитъ какая-то мягкость, снисходительность къ немощамъ слушателей, и приспособительность къ ихъ положенію. Мы представляемъ нѣсколько образцовъ такой мягкости и снисходительности, изъ многаго немногое. Убѣждая къ частой молитвѣ, неизвѣстный проповѣдникъ въ поученіи »о уставѣ житія человѣческаго« даетъ такія наставленія: »подобаетъ умѣющимъ грамотѣ пѣти себѣ на всякъ день утреню и часы, вечерню и повечерницу и полунощницу, да не оставитъ ничтоже не исправивъ. Аще кто не умѣетъ грамотѣ, то пѣти ему псаломъ »помилуй мя Боже по велицей милости Твоей«.. Аще же и того не умѣетъ, да поклонится предъ Богомъ по силѣ и речетъ *Господи помилуй* триста, и то ему пѣти за утреню и за часы, и за вечерню, и за повечерницу. То есть указано неумѣющимъ грамотѣ пѣти, и тако творить по вся дни« [1]). Еще болѣе умѣренность и снисходительность требованій высказывается въ одномъ словѣ о постѣ, гдѣ

---

[1]) Опис. Синод. биб. 89—90 стр.

Digitized by Google

разрѣшается несоблюденіе даже великаго поста, кромѣ среды и пятницы: »аще кто не постигнетъ болѣзни ради вся сія святыя дни постныя равно держати постомъ, и того ради да держитъ сія два дни постяся среду и пятокъ... табо два дня безъ мисопуста повелѣно христіаномъ всегда имѣти. Что есть того легчайши, замѣчаетъ далѣе проповѣдникъ, какъ бы желая убѣдить слушателей въ снисходительности требованій христіанскихъ,-иже до полудни поститися «[1]). Въ наставленіяхъ пастырямъ обыкновенно внушалось, чтобы они были снисходительны къ немощамъ человѣческимъ; и, не дѣлая впрочемъ вредныхъ послабленій, не стращали своею строгостію ввѣренной имъ отъ Бога паставы. Вотъ является предъ священникомъ съ покаянными чувствами сирота, рабъ, находящійся въ услуженіи. По церковнымъ законамъ, на него должна быть наложена строгая епитимія, а между тѣмъ и время и силы его находятся въ полномъ распоряженіи его господина, который можетъ быть до такой степени суровымъ, что не позволитъ своему слугѣ заниматься выполненіемъ церковныхъ предписаній. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ пастырю,-назначать ли непосильное бремя? »А сиротамъ, отвѣтимъ мы на этотъ вопросъ словами одного »поученія попомъ«, неможте великой епетемьи дати. пишетъ бо въ заповѣдехъ. сущимъ подъ игомъ работнымъ. на полъ даяти имъ епитемью. да не можте отяготити, да всѣ каются. Иго бо Христово легко есть« [2]) Эта заботливость о томъ, чтобы исполненіе уставовъ Церкви было по силамъ исполняющихъ, доходитъ иногда до мелочей. Вотъ напр. какія наставленія читаемъ мы въ томъ же поученіи »попомъ«: »егда жена носитъ въ утробѣ младенецъ, не велите ей кланятися до земли, ни въ великій постъ, въ томъ врежаютъ и изметаютъ младенцы. Аще мы оттого не возбранимъ. то наша вина.... а кла-

[1]) Опис. Синод. биб. 80 стр. [2]) Прав. Соб. 1861 г. апр. 448 стр.

Digitized by Google

нятися до пояса не празднѣ суща «[1]). Впрочемъ эти наставленія могуть казаться мелочными только на современный взглядъ, когда привыкли трактовать и всю церковную обрядность, какъ нѣчто мало значущее,-а въ древнюю пору, когда напротивъ въ обрядности полагалась почти вся сущность вѣры, подобныя наставленія не могли казаться мелочными. Снисходительность пастырей доходила даже до такого величія любви и всепрощенія, какое возможно только въ христіанствѣ: »аже пригодится кому душегубство, говорится въ томъ же поученіи попомъ, то возбранняйте. аже будетъ крѣпокъ, то больше ему дати заповѣдь. да не токмо грѣха избудетъ. но и спасенію сподобится. паки ли кто будетъ слабъ да и легчайшую заповѣдь дайте, да въ отчаяніе не впадетъ«... [2]). Но снисходительная къ грѣшнику кающемуся и вызванному на грѣхъ какими нибудь невзгодами жизни, хотя бы то былъ грѣхъ душегубства, наша проповѣдь жестоко и настойчиво обличала другаго рода душегубство—прикровенное и не сознающее своей преступности. Въ этомъ случаѣ въ нашей проповѣди, останавливающейся вообще на преступленіяхъ внѣшнихъ, напрашивающихся, такъ сказать, на вниманіе даже поверхностнаго наблюдателя, сказалось глубокое пониманіе жизни и проникновеніе въ ея сокровенныя, но оттого не менѣе тяжелыя язвы. Обличая мнимую праздность людей, которые, притѣсняя своего ближняго по праву господина, кредитора, судьи, и т. п., не замѣчаютъ, что этотъ прикровенный гнетъ можетъ быть въ самомъ дѣлѣ тяжеле открытыхъ нападеній разбойниковъ, и медленно совершаютъ тоже самое страшное дѣло душегубства, какое сразу совершаетъ открытый разбойникъ,—проповѣдникъ объясняется слѣдующимъ образомъ: »душегубства же различна суть. не едино то еже убити человѣка, но и се еже не повинѣ че-

[1]) Тамъ же 450 стр. [2]) Тамъ же 448 стр.

Digitized by Google

лядь казнити: и не по силѣ дѣломъ или наготою и гладомъ или должника рѣзы насиловати«[1]). Не показывая преступности подобныхъ отношеній и ихъ несоотвѣтствія съ законами религіи и морали, проповѣдникъ указываетъ только, какими печальными послѣдствіями сопровождаются эти ненормальныя отношенія. »Они же ли удавятся или потопятся или въ поганыи забѣжатъ«,—говоритъ проповѣдникъ о судьбѣ угнетаемыхъ личностей,—и этоуказаніе слѣдствій, вытекающихъ изъ неправильныхъ отношеній между сильными и слабыми, богатыми и бѣдными, убѣдительнѣе и яснѣе выражало мысль проповѣдника, чѣмъ какіе либо доводы и убѣжденія, какъ и вообще мысль, выраженная въ образѣ, поясненная примѣромъ лучше усвоиваивается, чѣмъ отвлеченныя разсужденія. Обличая пороки чувственности, между которыми на первомъ планѣ всегда указывалось пьянство, какъ порокъ сравнительно болѣе замѣтный [2]), проповѣдь ставитъ ихъ менѣе преступными, болѣе извинительными, чѣмъ притѣсненія ближнему. Въ »предисловіи покаянія«, древнемъ поученіи священникамъ, неправильное собраніе богатства поставляется »горѣе пьянства«. »Неправедное собраніе горѣе есть пьянства. пьяный бо проспиться, а богатства неправеднаго не мочься проспати« [3]). Потому-то въ обличеніяхъ притѣснителей всякаго рода проповѣдъ древне-

---

[1]) Прав. Соб. 1859 г. 1. 144. Опис. Синод. библ. 74 стр. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ эта мысль высказывается въ поученіи напечатанномъ въ Прологѣ. »Два разбоя есть, говорится въ этомъ поученіи,—единъ, иже совлачитъ съ убогаго, а другой, иже не одѣждетъ убогаго, а имѣетъ имѣніе, той есть истинный разбойникъ.... и т. д. (Прол. на 9 февр.). [2]) Въ Прав. Саб. представленъ сводъ отрывковъ изъ древне—русскихъ проповѣдей, содержащ. обличеніе пьянства 1862 г. 263—288. 369—298 стр. [3]) Прав. Соб. 1860 г. № 3, 350—358 стр.

Digitized by Google

русская отличается особенной, ей несвойственной, рѣзкостію. Такъ, судіямъ неправеднымъ она грозитъ не только мукаміи ада, но и несчастіями въ здѣшней жизни, которыя, какъ проклятіе Божіе, будутъ вѣчно тяготѣть и надъ потомствомъ этихъ судей неправедныхъ. »Слышите князіи и судьи человѣчестіи, говорится въ одномъ изъ этихъ обличительныхъ словъ, не оправдите виноватаго мзды ради, и не устыдитеся сильнаго лица... безъ испытанія не пріемлите клеветы на сироты и вдовицы Лучше убо пріобрѣсти имя доброе съ благословеніемъ, неже богатство много съ клятвою. Не суди неправедно чѣловѣка во образъ Божій сотвореннаго, его же ради Христосъ кровь свою пролія. Проклятъ всякъ судяй неправедно. И огонь снѣсть домы вземлющихъ мзду: и чада ихъ не поживутъ нечестія ради мзды отецъ ихъ, юже неправдою взимаху. О властели неправдивіи, и мздоимцы, яже собрасте отъ вдовъ и сиротъ, то въ негасимѣмъ огнѣ подгнета будетъ душамъ вашимъ« [1]). Жалобы на неправый судъ проходятъ, можно сказать, чрезъ всю исторію древней руси. Уже въ словѣ Даніила заточника встрѣчаются саркастическія замѣчанія о княжескихъ тіунахъ, которыхъ нужно бояться какъ огня, а чиновники этихъ тіуновъ (рядники) сравниваются съ искрами, отъ которыхъ трудно уберечься и тому, кто отъ огня спасется. Съ давнихъ поръ въ народѣ были распространены сатирическія повѣсти о неправомъ судѣ (повѣсть о Шемякиномъ судѣ, сказки о Ершѣ Щетинниковѣ и т. п). При неустройствѣ общественномъ, судъ неправый, судъ притѣсняющій слабыхъ, былъ явленіемъ почти неизбѣжнымъ: на отправленіе общественной обязанности тогда смотрѣли прежде всего съ личной эгоистической точки зрѣнія, и получить отъ князя область въ управленіе-это, на оффиціальномъ даже языкѣ, значило получить средства ко обогаще-

[2]) Прол. за 6 апрѣл.

Digitized by Google

нію, »кормиться«; произнесеніе судебнаго приговора давало судьѣ право на пеню съ обвиненнаго, и чѣмъ строже былъ приговоръ, тѣмъ больше бралъ денегъ судья.-Въ силу этихъ же причинъ, т. е. того же непониманія общихъ интересовъ и не сдерживаемыхъ ни разумомъ, ни чувствомъ эгоистическихъ стремленій отдѣльныхъ личностей къ преобладанію, въ древнерусской жизни былъ силенъ гнетъ богатыхъ надъ бѣдными, господъ надъ своею челядью, вообще сильныхъ надъ слабыми. Церковь всегда стояла на сторонѣ »труждающихся и угнетенныхъ«, а потому естественно, что она чрезъ своихъ проповѣдниковъ строго и грозно обличала притѣснителей всякаго рода-будетъ ли то суровый домовладыка, держащій въ наготѣ и всякомъ убожествѣ свою домашнюю челядь,-немилосердый ростовщикъ, берущій непосильные проценты и неимѣющій ни какого снисхожденія къ бѣдности,-коварный и властный человѣкъ подъ благовидными предлогами отбирающій себѣ имѣніе беззащитныхъ вдовъ и сиротъ и т. п. Даже молитва и милостыня не оправдывала въ глазахъ Церкви такихъ враговъ человѣческаго благополучія. Если бы кто нибудь изъ нихъ пришелъ въ церковь и, для спокойствія своей совѣсти, началъ ставить множество свѣчъ предъ образами, раздавать щедрую милостыню нищимъ отъ своего имѣнія неправдой нажитаго, то онъ выслушалъ бы отъ пастыря Церкви рѣчь такого содержанія: »богачъ! ты зажегъ на свѣтильникахъ церкви свои свѣчи. Но вотъ сюда же пришли обидимые тобой рабы, сироты и вдовы съ воздыханіями на тебя къ Богу. Они слезами своими погасятъ твою свѣчу. О лицемѣріе! Лучше бы тебѣ не обидѣть ихъ, чѣмъ освѣщать храмъ Божій несправедливо собраннымъ воскомъ. Лучше помогай тѣмъ, кого ты изобидѣлъ. Это лютость, а не милостыня-рабовъ обидѣть, а другихъ миловать, однихъ заставлять работать, а другихъ надѣлять. Если и подашь ты когда милостыню убогимъ, но ежели рабы твои,

Digitized by Google

пасущіе стада, потравили нивы сиротины, а другіе рабы твои муками и неправдою приневолены къ работѣ, босые и нагіе, голодные и избитые невинно, а иные изморенные безмѣрными накладами, иные селъ тобою лишенные и ограбленные,-тѣ всѣ съ плачемъ вопіютъ на тебя къ Богу. Что и милостыня твоя, неправедный судья! Лучше оставь неправды твои и сдѣлай рабовъ своихъ безпечальными, чѣмъ Богу безумно приносить неправедно собранное имѣніе: тотъ истинно милостивецъ, кто отъ своей силы, отъ своего труда даетъ« [1]). Желая показать, какъ непріятна Богу жертва отъ неправеднаго стяжанія, наши проповѣдники обыкновенно сравниваютъ подобную жертву съ закланіемъ сына предъ лицемъ отца его. »Милостыня неправедная подобна сему: якобы отецъ зрѣлъ сына закалаема-коль зло ему? тако Богу зло есть смотрѣти, аще чюжимъ (т. е. нажитымъ неправдою) кто милостыню даетъ. Луче таковому не творити: тѣхъ бы помиловалъ, а не грабилъ« [2]).

При непониманіи общихъ интересовъ, когда каждый преслѣдовалъ только личныя цѣли, хотя бы онѣ достигались страданіями другихъ, при отсутствіи правильной организаціи суда и управленія, при постоянныхъ войнахъ внутри (княжескія междоусобія) и жестокихъ, опустошительныхъ нападеніяхъ совнѣ (татары),-естественно, что въ древнерусскомъ обществѣ было много людей несчастныхъ, убогихъ, нуждающихся въ защитѣ и помощи. Но защита и помощь, по представленію передовыхъ людей древне-русскаго общества-учителей Церкви, могла выражаться главнымъ образомъ, если не исключительно, въ благотворительности, въ

---

[1]) Прав. Соб. 1859 г. 1, 49—50, изд. по рукоп. Сол. библ. Тоже въ Прологѣ на 24 и 30 янв. и во многихъ другихъ древнерусскихъ поученіяхъ. [2]) Прол. на 29 апр. Прав. Соб 1859 г. 1 кн.

Digitized by Google

милостынѣ. Намъ кажется, что ученіе о милостынѣ вызывалось потребностями жизни, и потому получило широкое развитіе въ древне-русской проповѣди, при чемъ самая милостыня сдѣлась предметомъ олицетвореній, и вообще все ученіе древне-русской проповѣди о милостынѣ является предъ нами въ богатомъ поэтическомъ убранствѣ. Такъ, напр., милостыня представляется дѣвицей, имѣющей золотыя крылья. »Дѣвица есть крылѣ имущи златѣ, бѣло имущи лице и тихо: крилата есть и легка, у престола предстоящи царска. Внегда судими будемъ, внезапу предстанетъ и явится и изметъ насъ отъ мученія, своима крилома одѣвающи« [1]). Въ другихъ поученіяхъ милостыня представляется голубицею, возносящею на позлащенныхъ крылахъ своихъ щедраго раздаятеля къ Богу [2]). Милостыня, по ученію древне-русской проповѣди, и въ здѣшней жизни даетъ спокойствіе и счастіе человѣку милостивому, и за гробомъ служитъ для него средствомъ спасенія. Душа, оставивъ тѣло человѣческое, идетъ на небо, но ее на пути встрѣчаютъ бѣсы и въ это время бываютъ душѣ »многи истязанія отъ бѣсовъ«. Ангелы оставляютъ въ эту пору душу и средствами для борьбы ея съ бѣсами служатъ добрыя дѣла, покаяніе, а больше всего милостыня. »Егоже бо грѣха забвеніемъ здѣ не покается, то милостынею избавится отъ насилія бѣсовскихъ мытарствъ. Да сіе вѣдуще, братіе, убоимся горькаго того часа, егда срящутъ ны суровіи, и немилостивіи мытари, къ нимъ же недоумѣемъ что рещи. Тѣмъ нынѣ покаемся отъ всего зла, и по силѣ нашей сотворимъ милостыню, могущую ны проводити отъ земли на небо« [3]). Образно представляя изреченіе Христа Спасителя: »понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе«, наша про-

---

[1]) На 11 ноябр. [2]) Опис. Синод. библ. стр. 107 и 231. [3]) Прол. на 29 октяб.

Digitized by Google

повѣдь разсказываетъ о томъ, какъ Господь принимаетъ иногда на себя образъ нищаго и испытываетъ такимъ образомъ благочестіе и милосердіе христіанъ [1]). Много разсказовъ о чудесныхъ видѣніяхъ, наглядно доказывающихъ туже истину, что »даяй нищему самому Христу въ руки влагаетъ« [2]). Вообще много разсказывается чудесныхъ случаевъ, доказывающихъ особенную милость Божію тѣмъ, кто совершаетъ подвиги нищелюбія [3]). Подъ вліяніемъ этихъ поученій о милостынѣ и еще болѣе, конечно, подъ вліяніемъ несчастій, бѣдности и гнета, которыя такъ часто выпадали на долю русскаго человѣка, въ народѣ сложилось много духовныхъ стиховъ, въ которыхъ воспѣвается бѣдность и убожество, и высказываются вмѣстѣ съ мольбами о милости горкія жалобы на притѣсненія людей богатыхъ и сильныхъ. Симпатіи народныя естественно принадлежатъ людямъ убогимъ, которыхъ народная фантазія надѣляетъ нравственными совершенствами и въ несчастіяхъ настоящаго утѣшаетъ свѣтлыми надеждами »пресладкаго райскаго житія«, тогда какъ богатыхъ напротивъ народная фантазія рисуетъ мрачными красками, и въ будущемъ сулитъ имъ адскія муки. Припомнимъ здѣсь стихъ о Лазарѣ, и доселѣ такъ часто воспѣваемый нищей братіей. Если въ бѣдномъ Лазарѣ народъ выразилъ собственныя скорби и страданія, то напротивъ въ судьбѣ богатаго Лазаря народная фантазія видѣла какъ бы праведную месть за его жестокое обращеніе съ своимъ бѣднымъ братомъ. Не потому ли народная фантазія такъ охотно останавливалась на изображеніяхъ мукъ богатаго Лазаря, начавшихся съ того, что Господь послалъ по душу его »ангеловъ немилостивыхъ, грозныхъ«, которые вынимали душеньку »не честно, не хвально« и бросили душеньку во тьму глубоко, въ паля-

---

[1]) Прол. на 28 октяб. [2]) На 18 и 22 сентяб. [3]) Прол. на 18 октяб.

Digitized by Google

щій огонь«...[1]). Не только въ духовныхъ стихахъ, которые служили выраженіемъ народнаго воззрѣнія, но и въ церковныхъ поученіяхъ встрѣчаются варіаціи Евангельскаго разсказа объ адскихъ мукахъ Лазаря въ чисто народномъ духѣ. Такъ въ одномъ старинномъ поученіи разсказывается, что къ евангельскому богачу, когда онъ просилъ устудите его страждущій языкъ »преступле немилостивый бѣсъ, стекляницу имый горящую смолы, глагола ему: испи, вжадался еси въ кваса мѣсто онаго« [2]). Проповѣдь о милостынѣ, какъ мы замѣчали уже, вызывалась условіями русской жизни, чѣмъ съ одной стороны объясняется ея широкое развитіе а съ другой-доказывается ея народность. Но при всемъ своемъ развитіи, проповѣдь о милостынѣ не впадала въ крайности и не требовала милостыни, какъ самопожертвованія. Напротивъ, порицала даже, какъ мы также уже имѣли случай замѣтить, крайности въ дѣлѣ благотворительности, когда милостыня была въ ущербъ благополучія домашнихъ и прислуги, или когда она дѣлалась отъ неправедныхъ стяжаній. Милостыня, по представленію нашей проповѣди, должна быть-посильной, чтобы не разорять благотворителя, и праведной, чтобы не служить оправданіемъ для грѣшныхъ пріобрѣтеній. Подобную умѣренность требованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ-практическую примѣняемость къ существующимъ условіямъ жизни встрѣчаемъ и во всѣхъ другихъ пунктахъ древне-русской проповѣди. Въ ней нѣтъ ригоризма, и ея требованія, хотя идеальны, но въ тоже время и практически приложимы къ жизни. Какъ бы опасаясь ученіемъ о воздержаніи и цѣломудріи и обличеніями ростовщичества, и вообще всякаго пріобрѣтенія, впасть къ крайности, проповѣдь строго разграничиваетъ обличае-

[1]) Варенцова соб. духов. стиховъ стр. 67—77. Подобнаго же рода дух. стихи про вознесеніе Іисуса Христа, тамъ же, 59-66 стр [2]) Опис. Синод. библ. 67 стр.

Digitized by Google

мое ею злоупотребленіе отъ того, что составляетъ обычную норму жизни. »Да аще хочеши, чадо, въ жизни вѣчнѣй быти, наставляетъ неизвѣстный древне-русскій учитель, и то первое укажу ти, чадо мое милое, возлюбленное Богомъ, отверзися пьянства, а не отъ питія. Отверзися объяденія, а не ѣствы; отверзися блуда, а не законныя женитвы; отверзися неправеднаго имѣнія, а праведнаго не крый; ни щади нищимъ дати; отверзися кунъ давати въ резы, а Бога дѣля дай«... Подъ давленіемъ понятій грубаго, варварскаго вѣка, проповѣдникъ даже не возстаетъ противъ продажи въ рабство, но обличаетъ только злоупотребленіе при этомъ, желаніе обогощаться посредствомъ выгодной перепродажи и изгойства, т. е. задержаніемъ у себя дѣтей свободнаго или проданнаго въ другія руки отца ихъ[1]).

Не разнообразна была наша древняя русская проповѣдь по своему содержанію, не отличалась она какою нибудь высотою своихъ идеаловъ, но ея сила и значеніе въ томъ именно и заключаются, что, повторяя постоянно одно и тоже, она вводила, такъ сказать, свои идеи въ народное сознаніе, предлагая только возможное къ исполненію, и только то, на что ясно указывали потребности жизни она сдѣлалась закономъ жизни, руководящимъ началомъ для благочестивыхъ русскихъ людей. Древняя проповѣдь до такой степени привилась къ народному сознанію и жизни, что и доселѣ еще живетъ въ народныхъ понятіяхъ и обычаяхъ, и доселѣ народъ въ своей религіозной и отчасти общественной жизни руководствуется тѣми понятіями, какія постоянно внушались нашей древней проповѣдію. Въ этомъ проникновеніи древней русской проповѣди въ сознаніе и жизнь народа можно видѣть одно изъ самыхъ сильныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ ея народности и практическаго характера.

В. Мавринскій.

---

[1]) Прав. Соб. 1860 г. № 3. 350—358 стр.

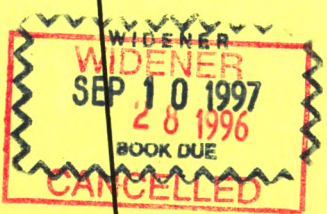
Digitized by Google

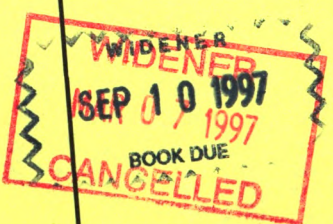
Digitized by Google

Digitized by Google

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413





Digitized by Google

Digitized by Google